

К 100-летию Октябрьской революции 1917 года

Евгений Валерьевич Ахмадулин

**ПАРТИЙНАЯ ПРЕССА РОССИИ
НА ПУТИ К РЕВОЛЮЦИИ (1910 - 1917)**

E. Akhmadulin

**PRESS RUSSIA PARTY ON THE ROAD
TO REVOLUTION (1910 - 1917)**

Open Science Publishing
Raleigh, North Carolina, USA
2018

UDC 070.15

Рецензенты:

Лепилкина Ольга Ивановна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории и теории Северокавказского федерального университета (г. Ставрополь)

Лучинский Юрий Викторович – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории и правового регулирования Кубанского государственного университета

Reviewers:

Lepilkina Olga Ivanovna – Ph.D., Professor, Head of the Department of History and Theory of the North Caucasus Federal University (Stavropol)

Luchinsky Yuri Viktorovich – Ph.D., Professor, Head of the Department of History and the legal regulation of the Kuban State University

A 29 Akhmadulin E.

**PRESS RUSSIA PARTY ON THE ROAD TO REVOLUTION
(1910 - 1917). Raleigh, North Carolina, USA: Open Science
Publishing, 2018. 123 p.**

ISBN _____

(RUS)

История Февральской и Октябрьской революций 1917 года за сто лет своего существования собрала огромную библиотеку разнообразных источников, книг, статей, научных и псевдонаучных трактатов, суждений и точек зрения. Тем не менее, эта история, обрастая мифами и стереотипами, остается загадочной, противоречивой, а значит, актуальной для дальнейших исследований. Целью данной монографии является рассмотрение положения и функционирования российской политической прессы после подавления революции 1905 – 1907 гг. и начала нового экономического и общественного подъёма до Февральской и Октябрьской революций 1917 года. Книга рассчитана на исследователей и любителей российской истории, а также на студентов гуманитарных факультетов.

The history of the February and October revolutions of 1917, over one hundred years of its existence, gathered a huge library of diverse sources, books, articles, scientific and pseudo-scientific treatises, judgments and points of view. However, this story, overgrown with myths and stereotypes, mysterious, contradictory, and therefore relevant for further research. The purpose of this monograph is to review the provisions and operation of the Russian political press after the suppression of the revolution of 1905 – 1907 and the beginning of a new economic and social upheaval before the February and October Revolution of 1917. The book is intended for researchers and lovers of Russian history, as well as students of humanitarian faculties.

ISBN _____

© Akhmadulin E., 2018

© Open Science Publishing, 2018

ВВЕДЕНИЕ

XX век представляет собой самую яркую и самую насыщенную событиями эпоху в истории цивилизации. Это век революций и мировых войн, век крушения мировых империй (Османской, Британской, Российской и Советской) и национально-освободительных движений, век процветания некогда загнивающего мирового капитала и зарождения мирового терроризма, век глобальных катастроф и мировых кризисов, век отчаяния и надежд, век, соединивший прошлое с будущим.

XX век – это эпоха невиданного технического прогресса: от паровых двигателей до атомоходов, от лампочки Эдисона до атомных электростанций, от аэропланов до покорения космоса, от динамита Нобеля до водородной бомбы, от телеграфа до Интернета...

Все эти процессы так или иначе касаются и России. В политическом плане страна изменялась в течение столетия как ни одна другая. Пережив две буржуазных и одну социалистическую революции, мировую и гражданскую войны в начале века, отечественную войну в середине и антикоммунистический переворот в конце века, Россия прошла путь от феодального самодержавия к развитому социализму и обратно к капитализму; и через кризисы и социальные возмущения все еще продолжает поиск своего места в глобальном миропорядке.

Если сравнивать первое и последнее десятилетия XX века, которые для России можно назвать либеральными, то при всей разнице эпох, в них просматриваются определенные сходства политического свойства.

И тогда и теперь произошел поворот страны к конституционно-правовому строю.

И тогда и теперь впервые была создана представительная власть в лице законодательной Государственной думы.

И тогда, и теперь на демократической волне возникли многочисленные политические партии, союзы, движения, блоки. До октябрьской революции 1917 г. их насчитывалось не менее 230 (без учета национальных и конфессиональных), а в 2000 г., по данным министерства юстиции Российской Федерации, их было более 160 (только официально зарегистрированных).

И тогда, и теперь к началу работы Государственных дум четвертого созыва, выявились четыре партийные фракции, ведущее место среди которых занимали и занимают думские объединения правительственной ориентации.

И тогда, и теперь после отмены цензуры и объявления свободы слова и печати страна наводнилась не только политизированными изданиями, но и широкой типологической палитрой научно-популярной, деловой, образовательной, развлекательной, бульварной прессы.

Именно поэтому исторический опыт функционирования системы журналистики начала XX века имеет не только познавательное, но и практическое значение. За короткое время от 1900-го до октября 1917 года российская журналистика прошла путь от мощной авторитарной системы с элементами оппозиционности к либеральной, с бурно развивающейся в условиях революции партийной, парламентской прессой (1905 – 1907 гг.). Послереволуционный спад на следующем этапе (1908 -1909 гг.) закончился новым общественно-политическим подъемом (1910 – 1914 гг.), прерванном первой мировой войной. Февральская революция 1917 г. выявила достоинства и противоречия становления системы журналистики в условиях буржуазно-демократического строя, прерванного Октябрьской революцией. И на всех этапах этого исторического пути журналистика претерпевала заметные системные, ментальные, функциональные и типологические изменения.

Последний, выделенный нами период является наиболее драматичным. История Февральской и Октябрьской революций 1917 года за сто лет своего существования собрала огромную библиотеку разнообразных источников, книг, статей, научных и псевдонаучных трактатов, суждений и точек зрения. Тем не менее, эта история, обрастая мифами и стереотипами, остается загадочной, противоречивой, а значит, актуальной для дальнейших исследований.

Как случилось, что во время Первой мировой войны, когда требуется от всех граждан страны особое единство и сплоченность, произошли две революции, навсегда изменившие судьбы страны и ее народа? В монографии показано, как политические партии с помощью своей печати расшатывали государственную систему и довели ее до октябрьской революции 1917 года.

Глава I.

ЖУРНАЛИСТИКА В ГОДЫ НОВОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ПОДЪЕМА

Выборы правой Думы. Отклики печати на ленские события. Активное вмешательство официальной прессы. Полемика в стане черносотенцев. Взлет и падение «Голоса Москвы». Молодые буржуа и «Утро России». Кадеты против «прогрессистов». Печать социалистов выходит из подполья. Бульварная и деловая пресса завоевывают рынок.

С середины 1910 года в России начинается новый общественно-политический подъем. Экономика страны развивалась по восходящей и достигла своего пика в 1913 году. Выборы в IV Государственную думу возбудили партийную активность. А зверский расстрел рабочих на Ленских приисках вызвал волну народного гнева и протеста, поставив страну на грань новой революции.

В 1910 году в России выходило более 2400 периодических изданий, из них более 900 газет. В последующие годы число их значительно увеличилось. Расцветала бульварная пресса, «Газета-копейка» завоевывала региональные рынки. Появились многочисленные биржевые издания, обслуживающие банковский капитал и рынок ценных бумаг. Массовые популярные газеты – «Русское слово», «Биржевые ведомости», «Новое время» увеличили свои тиражи. Партийная пресса возобновила информационные войны на легальном поле.

Правительство развивало и поддерживало верные ему издания, сурово карая оппозиционную прессу любых оттенков. В 1910-1914 годах более 1160 раз налагались штрафы на газеты и журналы на общую сумму 400 000 руб. В дополнение к этому следовали судебные и административные кары, конфискации, заключение редакторов и журналистов под стражу.

Дополнения к временным правилам уже не устраивали правительство и в недрах министерства внутренних дел в 1913 году был подготовлен новый «Закон о печати», в разработке которого участвовали министр внутренних дел Н.А. Маклаков, и лидер Союза им. Михаила Архангела В.М. Пуришкевич. Новый Закон впервые ставил в неравные условия издания правой ориентации и оппозиционные к правительству. Например, все издатели газет, кроме правых, должны были представлять номера в цензуру за 3-4 часа до рассылки тиража, что фактически было равнозначно предварительной цензуре. Полиция по этому Закону получала право в любое время входить в типографию и немедленно конфисковывать «непонравившееся» издание. Расширились права духовной, придворной, драматической и иностранной цензуры. Ответственными за публикации становились не только редакторы, издатели и авторы, но и типографы и распространители газет. Предусматривалось повышение штрафов и залогов. Усиливались наказания в судебном порядке. Запрещалось утверждение в качестве редакторов лиц, бывших под судом, даже если отданный под суд был освобожден царским манифестом. Этот закон довольно долго обсуждался в печати и на различных собраниях, был утвержден, но из-за начавшейся мировой войны не вступил в силу.

Главным пропагандистским органом премьер-министра и правительства до апреля 1914 года оставалась газета **«Россия»**. Особенно активно вела себя газета в кризисных ситуациях. Так было, например, в период ленских волнений рабочих и последующего их расстрела на золотых приисках. Официальная печать замалчивала причины забастовки. «Россия» первой из

правительственных газет откликнулась на эти события. В статье «Рабочее движение в Ленском промышленном районе» газета, претендуя на объективность, писала об обострении обстановки в начале апреля по сравнению с началом забастовки в феврале. Рабочие, информировала «Россия», избрали свой комитет, который был арестован. Это вызвало протесты бастующих, в результате чего произошли столкновения с вооруженными силами и было убито 107 человек и ранено 83 [1912.6 апр.].

О последовавшей затем студенческой демонстрации у Казанского собора в Петербурге «Россия» писала уже без претензии на объективность, обвиняя во всем левые партии и их печать. Все это делается, писала газета, с целью «ввергнуть страну в новую катастрофу» [1912.7 апр.].

К левой печати и пропаганде социалистов «Россия» была особенно не равнодушна и не раз в своих передовых и обзорных статьях критически выступала против печати большевиков, меньшевиков, эсеров. «За последнее время, — писала она, — одно за другим возникают агитационные издания крайних левых. Уже звучат знакомые обществу слова «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», идет натравливание рабочих на фабрикантов, заводчиков, торгово-промышленных деятелей» [1912.27 апр.]. Рабочие, отмечала «Россия», вносят на газеты свои рубли, и ставила вопрос: «Для кого?» [1912.27 апр.].

В то время как «Россия» отбивала первые удары оппозиции, **«Правительственный вестник»** предоставлял свои страницы министрам и председателям различных комиссий для объяснения сути ленского конфликта. Например, министр торговли и промышленности, по отчету газеты, заявил, что «обвинение в дурной пище в общем не справедливо», но вместе с тем сказал, что некоторые требования рабочих удовлетворены: «Продовольствие кухни дается на равных условиях со служащими, хлеб будет из просеянной муки, казармы будут устраиваться согласно

обязательным постановлениям» и т. д., но в 8-часовом рабочем дне и в повышении зарплаты им отказано.

Министр внутренних дел в своей речи обвинил в обострении отношений стачечников с администрацией приисков и войсками зачинщиков из числа политических ссыльных, которые, по словам министра, своей агитацией и действиями подбивали стачечников к противодействию войскам. Со слов министра «Правительственный вестник» сообщил, что «цель скопища 4-го апреля была захват оружия солдат, смять и разгромить прииски» [1912.13 апр.]. «Когда потерявшая рассудок, под влиянием злостных агитаторов толпа, — говорил министр, — набрасывается на войско, тогда войску ничего другого не остается, как стрелять... Так было и так будет впредь», — подчеркнул он в конце своей речи [1912.13 апр.].

«Сельский вестник», хотя и стал выпускать новые приложения — «Деревенское хозяйство» и «Крестьянское дело и ответы на вопросы» — значительно снизил свой тираж по сравнению с 1905 годом (127000 против 60000 экз. в 1913 г.). Газета по-прежнему призывала «православный народ» к миролюбию, покорности, смирению, почтению, послушанию, преданности и повиновению государю.

В 1911 году число «Губернских ведомостей» увеличилось до 81 (ранее их было 75), и все они, по мере сил и возможностей старались поддержать существующий режим. Например, «Донские областные ведомости» всячески расхваливали самодержавие и самодержца. Так, один из сменивших Х. И. Попова редакторов — Г. Янов — в материале «Царская милость» так живописал Николая II:

«...Кто когда-нибудь имел высокую честь лицезреть вблизи Государя, тот естественно, никогда не забудет полный любви взгляд Государя — улыбку, полную какой-то чарующей ласки, улыбку любви к своему верноподданному, улыбку отца, бесконечно любящего своего сына...

Приглядитесь внимательно к русской истории, и вы увидите, что основы души народной неизменны, несмотря, ни на какие испытания...

Основы-основ нашего народа: Союз с Богом, Царем и заветами Родины...

Не около всякого произвольного центра народ наш сплачивался, а только около естественного своего центра, к которому тянула его самая душа его. И этим центром является для нас и теперь, как был прежде — Царь Русский» [1912. 11 дек.].

Естественно, что газета призывала казачество защищать помазанника божьего. В материале «Дон для донцов», подписанном псевдонимом «Журналист», автор, обращаясь к казакам, пишет: «Дон для донцов» — этим, прежде всего, говорится то, что у себя на Дону, как встарь, донцы должны быть хозяевами и, конечно, не должны допускать никакого инородческого засилья... «Дон для донцов» — формула, допускающая только одно самое верное толкование: это «приобретение казаками наибольших духовных и материальных ценностей...», «воспитания, которое поддерживало бы в нас доблестный дух, чтобы с честью выполнять священные обязанности защиты Престола и Отечества» [1912.1 февр.].

Подобные материалы призваны были внушать казакам мысль об их исключительной роли в деле защиты монархии и самодержавно-православной государственности.

В своем патриотическом рвении в защите самодержавно-тюремного режима в России «Донские областные ведомости» доходили даже до критики американского строя («...равенство в Америке — это утопия») и американских тюрем: «Такое средневековое состояние тюрем в Америке не мешает ее республиканцам, — пишет автор, — изливаться в осуждении русских тюремных порядков и распространять о них сведения, признанные уже везде чистой клеветой» [1913.7 сент.]. Кем и где признаны «русские

тюремные порядки» лучшими по сравнению с американскими автор не уточняет.

К официальной газетам военного ведомства **«Русский инвалид»**, **«Армия и флот»**, **«Витязь»** добавились **«Военный воздушный флот»**, **«Военный мир»** и др. К православным изданиям добавились **«Христианский поборник»**, **«Голос истины»**, **«Колокол»**, **«Духовная беседа»**, **«Приходской священник»**, **«Дело веры»**, **«Пастырь»** и др.

Санкт-Петербургское телеграфное агентство было переименовано в Петербургское (ПТА). Сотрудники его старались распространять только ту информацию, которая была угодна правительству, замалчивая многие неудобные для правительства и проправительственных партий факты. В период предвыборной кампании в IV Государственную думу правокадетские **«Русские ведомости»** возмущенно писали об информационной политике ПТА: «Настоящая избирательная кампания представляет любопытную особенность: ее хотят провести втихомолку. Вот уже шестой день идут выборы уполномоченных... и все это замалчивается официальным «Петербургским телеграфным агентством». Оно тщательно сообщает о всех речах Маркова 2-го, отмечает чуть не каждую кандидатуру, выставленную где-либо правыми, но о выборах не дает ни одной телеграммы.

В прошлую кампанию оно придавало своим сообщениям тенденциозную окраску, но все-таки хотя что-нибудь сообщало, на этот раз агентство предпочитает совсем не давать никаких сведений» [1912. 17 сент.]. И таких нареканий, упреков и критики в адрес правительственного телеграфного агентства в печати той поры можно встретить очень много.

Орган Дубровинского Союза русского народа **«Русское знамя»** стал выходить большим форматом, печатал статьи, карикатуры и рисунки, выпускал приложения. Газета била направо и налево. Особенно возмущала

правительственных чиновников критика в их адрес. Начальник цензурного ведомства писал в своем отчете, что «Русское знамя» «принадлежит к категории грубых, вульгарных листков и в известном отношении примыкает к органам революционным. То же стремление подорвать авторитет правительства, опозорить неугодных ультраконсервативным писателям советников монарха. Одновременное восхваление монархического начала производит отталкивающее впечатление». Даже царя и его окружение раздражала эта необузданная «защита» черносотенцев.

То же самое происходило и с близкой к дубровинцам «Грозой» Н.Н. Жеденова. Газета в грубой форме обличала чинов петербургского градоначальства и церковных иерархов. Редакция "Грозы" последовательно шла в русле программы Союза русского народа и была полностью солидарна с дубровинским "Русским знаменем". Приведем лишь один пример ее так называемой идейной непримиримости. В 1912 г. газета описала случай, когда один из членов Союза русского народа заметил на кладбище Тихвинского монастыря в Екатеринбурге необычный памятник "с надписью золотом следующего содержания: "Вася Иванов - 16 лет. Ученик художественной школы, павший жертвой от рук хулиганов и черносотенцев 19 октября 1905 г." «...Путем правой печати, - писал в газете "патриот", - предъявляю к администрации Тихвинского монастыря дать объяснение, почему допущено такое содержание на памятнике, а чинов екатеринбургской полиции надлежит спросить: если им о сем известно, то почему не уничтожают означенный памятник?" [1912. 20 июля]. В 1912 г. цензор указывал на симпатии Н.Н. Жеденова к секте "иоанитов" (последователей Иоанна Кронштадтского, не одобряемых самим праведником).

Главный совет Союза русского народа, сменивший А.И. Дубровина с поста действующего председателя, с 3 июня 1910 г. начал издавать "**Вестник Союза русского народа**". В обосновании необходимости такого

внутрипартийного издания указывалось, что рассылка одного только сообщения или постановления главного совета в 4400 отделов Союза обходилась в 616 руб. заказным письмом и 308 руб.- простым письмом, тогда как издание 5 тыс. экз. еженедельника обойдется в месяц в сумму около 450 руб. 15 мая 1912 г. VI съезд Союза русского народа постановил обязать все отделы подписываться на официальный орган главного совета, так как "Русское знамя" перестало быть таковым. Издателем являлся совет в лице товарища председателя графа Э.И. Коновницына, а затем сменившего его Н.Е. Маркова.

Другая газета черносотенцев-обновленцев во главе с Н.Е. Марковым – «Земщина» фактически стала избирательным органом фракции умеренных правых. "Земщина" активно участвовала в избирательной кампании в IV Государственную думу 1912 г. Ближайшими и самыми реальными соперниками правых были октябристы и их лидер А.И. Гучков, который баллотировался от Москвы. Против Гучкова дружным фронтом выступили и беспартийное "Русское слово", и прогрессистское "Утро России", и кадетская "Речь". но первой лозунг "Не пускайте Гучкова в Думу!" выбросила "Земщина" [1912. 8 окт.]. Ненависть правых к Гучкову оказалась настолько велика, что вылилась в призыв проголосовать за кадетов, у которых, по мнению "Земщины", нет кандидатов, обладающих гучковским авторитетом и влиянием, и поэтому они будут в Думе не так опасны.

Либеральная и левая пресса с безнадежностью писали о предрешенности победы правых, так как правительство задействовало, по современным понятиям, мощный административный ресурс. "Результаты протекающих сейчас выборов, - писало "Утро России", - особых неожиданностей правительству не сулят. IV Дума делалась, как известно, "по мерке". Из своего сукна. Сановный заказчик сам доставлял материал" [1912. 5 окт.]. Зато "Земщина" праздновала победу: "По всему лицу матушки России правые осиливают средних и левых. Да, это несомненно, правая Россия воспрянула

ото сна и в прах расколотила всю эту сборную конституционную братию" [1912. 11 окт.].

Как и другие черносотенные издания, «Земщина» выступала против проведения всяческих реформ. Но одной реформы редакция «Земщины» все-таки жаждала и с удовольствием сообщала своим читателям, что правительство готовит новый закон, по которому «ответственность за преступления печати должна быть значительно повышена сравнительно с существующей».

С 5 августа 1911 г. по 22 февраля 1912 г. вместо **«Вече»** в Москве выходила газета **"Старое Вече"** (издательница княжна Н.Л. Оболенская, редакторы Н.Н. Емельянов и Ф.А. Слепов).

Ежемесячник В.М. Пуришкевича **«Прямой путь»** также обслуживал правых членов Государственной думы. В июне 1914 года журнал закрылся по финансовым причинам. В провинциальных отделах Союза имени Михаила Архангела выходили газеты: **«Саратовское вече»**, **«Голос Сибири»** (Омск), **«Правый путь»** (Оренбург), **«Южный баян»** (Одесса), **«Бессарабский листок»** (Кишинев) и др.

До июня 1912 года, когда фракция октябристов представляла большинство в III Государственной думе, а газета **«Голос Москвы»** была одним из ведущих и авторитетных политических органов. Декларируя свою беспартийность, «Голос Москвы» постоянно «съезжал» в партийную колею. Так, в корреспонденции из «Государственного Совета» под заголовком «План реакционеров» газета писала о провале заговора правых сменить в Государственном совете большинство представителей центра «как наиболее талантливых и активных представителей оппозиции». Либералы приняли решение: «в случае приведения в исполнение задуманного плана, протестовать в форме массового выхода в отставку членов Гос. Совета...

Представители реакции побоялись такой формы протеста и взяли свое решение назад».

Газета расценивала этот шаг реакционеров «желанием составить такое большинство Гос. Совета, которое бы не только не соглашалось с неудобными для реакционной группы законопроектами Думы, но и отвергало бы все то, что задумано было правительством П. А. Столыпина по пути реформ».

Смерть П. А. Столыпина вызвала замешательство и растерянность в лагере октябристов. ЦК «Союза 17 октября» опубликовал в «Голосе Москвы» воззвание, в котором обвинил левые партии и кадетов в убийстве «министра, какого Россия не имела со времен Сперанского», и призвал всех «верующих, что истинный прогресс может совершаться лишь при медленном совершенствовании общественной и личной жизни», к борьбе «с оппозицией и рождаемой ею революцией».

К преемнику Столыпина В.Н. Коковцову октябристы отнеслись с некоторой предвзятостью, но после его выступления в Думе 28 октября 1911 г. «Голос Москвы» торжественно провозгласил «великое удовлетворение» от речи нового премьера, подчеркнув, что «расхождение между правительством и центром Думы... теперь уступит место солидарной работе» [1911. 30 окт.].

Но на выборах в IV Думу и «Союз 17 октября», и его газета стали терять свое влияние. «Голос Москвы» пытался более активно заигрывать с торгово-промышленной буржуазией, но своей позицией шатания то вправо, то влево отталкивал бывших соратников в лагерь прогрессистов.

Довольно пылко защищал «Голос Москвы» лидера октябристов А. И. Гучкова во время выборов в IV Государственную думу. В ответ на призыв «Земщины» — «Не пускайте Гучкова в Думу!» и нападки кадетских газет и прогрессистского «Утра России», «Голос Москвы» в воинственном духе самого Гучкова писал о нем: «Да, он опаснее [кадета — Е. А.], как опаснее заряженный револьвер револьвера с уже расстрелянными зарядами» [1912.11

окт.]. Однако именно кадету Гучков проиграл выборы в Думу. Сочувствовавшее октябристам «Новое время» сетовало по поводу этой сенсации: «Купеческая перворазрядная Москва предпочла Гучкову второстепенного кадета и показала этим всякое отсутствие политической зрелости и смысла» [1912.21 окт.]. В этой ситуации ведущий публицист «Голоса Москвы» А. В. Бобрищев-Пушкин сетовал на власть, упустившую, по его мнению, время успокоения и вызвавшую недовольство умеренных кругов общества», которое «при политической его неподготовленности грозит вылиться именно в форму левой опасности» [1912.10 нояб.].

В конце 1912 г. «Голос Москвы» объявил себя стоящим вне партий и начал поддерживать идею создания «внушительного левого большинства», которое сделало бы «хотя бы то небольшое, что возможно в четвертой Думе». Речь шла о выработке долгосрочного соглашения октябристов, прогрессистов и кадетов. «Новое время» отмечало, что октябристы постоянно возвращались к памяти П. А. Столыпина — «центральной фигуры, вокруг которой могли бы объединиться и правительство, и Дума» [1913.24 мая]. Но основным мотивом выступления «Голоса Москвы» была некая безнадежность, жалобы на тупик, не осуществимость какой-либо работы в Думе.

В марте 1913 г. один из лидеров октябристов К. Э. Линдеман отмечал, что «газеты у нас нет, ибо «бывшая» уходит влево и похожа больше на кадетскую». А 30 мая 1913 г. возникло новое московское издательское товарищество на паях с основным капиталом 200 тыс. руб. Контрольный пакет (122 из 400 паев) принадлежал фабрикантам Кнопам. Гучковы сохранили за собой лишь малую долю: А. И. Гучков — 18 паев, Н. И. Гучков — 12. Собственно, подобное «преобразование» было лишь попыткой группы Кнопов спасти свою газету, которая сильно проигрывала в конкурентной борьбе с «Утром России» группы Рябушинских-Морозовых. И в этой борьбе было уже не до идейной чистоты. Чиновники главного управления по делам

печати отмечали: «Главный октябристский орган являлся вполне октябристским до осени 1914 г., когда в составе пайщиков этой газеты произошли перемены, а директором-распорядителем был приглашен П. И. Крашенинников».

Главный конкурент «Голоса Москвы» **прогрессистская газета «Утро России»** укрепила свое финансовое положение за счет паевых взносов крупных мануфактурщиков А.И. Коновалова, Н.Д. Морозова, С.И. Четверикова, Д.В. Сироткина, П.А. Бурьшкина, В.П. Рябушинского и др. Главным пайщиком газеты оставался П.П. Рябушинский. В состав редакции вошли профессора П.И. Новгородцев, Н.В. Кузьмин-Караваев, Н.М. Кулагин, В.И. Массальский, А.К. Дживелегов, а также видные общественные деятели торгово-промышленных организаций А.А. Вольский, Ю.И. Поплавский и др.

В отличие от октябристов, московские прогрессисты ожесточенно нападали на правительство Столыпина за недостаточное внимание к экономическим проблемам страны. Объявив себя органом «прогрессивной и либеральной части московской купеческой массы», «Утро России» берет на себя роль объединения оппозиции, создания в III Думе умеренно-оппозиционной группы. Такой умеренно-оппозиционной группой в Думе оказались прогрессисты, оформившиеся в отдельную фракцию во главе с донским депутатом, крупным землевладельцем и одним из лидеров Партии мирного обновления И. Н. Ефремовым. Сама фракция была весьма аморфным образованием, как по своему составу, так и по организации. «Партию прогрессистов в Думе, — вспоминал С. И. Шидловский, — называли пристанодержательницей, потому что в ней было всякого жита по лопате, и было все, что хотите, кроме определенной физиономии». Фракция предоставляла своим членам свободу голосования, не требовала выхода из других партий. Беспартийность самой фракции считалась главным средством усиления ее численности и роли в Думе и за ее пределами. Действительно,

численность прогрессистской фракции увеличивалась довольно быстро: до конца работы III Думы с 25 до 36 депутатов, а в начале деятельности IV Думы их было уже 48. Однако внедумское влияние фракции прогрессистов было минимально. Поэтому лидеры движения искали пути создания партии «настоящей» буржуазии. С этой целью П. П. Рябушинский, и его единомышленники пытались привлечь интеллигенцию к «разработке вопросов социально-экономического развития России с позиций крупной буржуазии для выработки так называемой идеологии торгово-промышленного класса». В особняке П. П. Рябушинского регулярно проходили встречи московских предпринимателей с учеными и общественными деятелями, которые получили название «Экономических бесед». Участниками бесед были такие крупные ученые, как М. М. Ковалевский и П. Г. Виноградов. При посредничестве журналиста С. В. Лурье, руководившего ранее изданием журнала «Русская мысль», участниками «бесед» стали сотрудники этого журнала, в том числе П. Б. Струве, внесший в экономические теории профессуры дух буржуазного национализма и патриотические идеи «Великой России». И хотя, по словам П. А. Бурьшкина, «единение науки и промышленности» не получилось, «беседы» были важной вехой на пути идейного объединения московских промышленников. Этот своеобразный мозговой трест действовал вплоть до 1912 г. Многие его участники вошли в состав редакции возобновившейся 8 ноября 1909 г. газеты «Утро России».

Современники считали «Утро России» прогрессистским органом. Однако сама газета отрицала свою связь с какой-либо из партий. Входивший в редакцию П. А. Бурьшкин утверждал, что «Утро России» «оставалось до конца внепартийным и внегрупповым печатным органом. Иначе и быть не могло: газета оставалась под контролем П. П. Рябушинского и его ближайших друзей. Сам П. П., по свойству своей натуры, не мог быть

человеком партийным, связанным партийной дисциплиной. Таковой оставалась и созданная им группа».

Вместе с тем газета «Утро России», являясь политическим изданием, так или иначе отражала стремление молодых либеральных капиталистов создать партию третьего сословия, бороться с царской бюрократией за интересы этого сословия, а значит, объективно выражала позицию прогрессистских политических сил.

Правда, задачи московских прогрессистов, пытавшихся создать сословную партию чистой буржуазии, и думских прогрессистов, проводивших мирнообновленческую идею внесословного объединения правых и левых либералов, несколько расходились. Поэтому, заранее готовясь к выборам в IV Думу, петербургские прогрессисты пытались создать свой орган печати. Речь шла о совместном издании кадетов и прогрессистов. Когда Д. Д. Протопопов получил свидетельство на издание газеты «Русская молва», он встретил решительный протест П. Н. Милюкова и А. М. Колюбякина против совместного ее ведения. А. В. Тыркова, наоборот, предлагала помочь сплотиться «бесформенным» прогрессистам вокруг беспартийной газеты.

«Бесформенные» думские прогрессисты и предприняли попытку оформиться в партию. 15 ноября 1912 г. прошел их первый и последний съезд, принявший программные «Основные положения прогрессистов». Сюда входили характерные для либералов требования «водворения правового строя в жизнь страны», выработки нового избирательного закона в Думу и расширения ее прав, реформы Государственного совета, свободы слова, собраний, печати, союзов и т.п. Все это, по мнению прогрессистов, должно способствовать, «утверждению конституционно-монархического строя с политической ответственностью министров перед народным представительством». Однако, хотя вопрос о партии поднимался, она так и не была образована. «Быть может, — писал В. И. Ленин о прогрессистском

съезде, — национал-либеральная партия сейчас окончательно и не сложится еще, и газета их («Русская Молва») погибнет, как года 3 назад погибла газета «Слово», ставившая себе в общем те же цели... Но открытое выступление национал-либеральной буржуазии означает, во всяком случае, значительное созревание классовых противоречий в России».

Ленин был прав: «Русская Молва», оставаясь «внутридумским» изданием кадетско-прогрессистского толка, имела не более 400 подписчиков и просуществовала до 20 августа 1913 г.

Д. Н. Шипов в письме к кадету М. В. Челнокову так объяснял причины неудачи издания «Русской молвы»: «До сих пор ее отличие от «Речи» заключается лишь в отсутствии предвзятой враждебности к государственной власти и в благосклонном отношении к капитализму. Это мне представляется слишком недостаточным и вызывает во многих лагерях недоумение... Газета может создать себе аудиторию и отвлечь читателей от партийных газет только в том случае, если для всех будет ясно, что она является беспартийным органом по своей основной руководящей идее».

Совершенно иным путем завоевывало себе политическое реноме и читательскую аудиторию «Утро России». С первых номеров после своего возрождения газета развернула жесткую кампанию против октябристов и их лидера А. И. Гучкова. Так, в статье «Просроченный вексель» «Утро России» критиковало Гучкова за провал его попыток через Столыпина изменить состав Государственного совета, тормозившего прохождение думских законопроектов. Статья заканчивалась пророчеством краха октябристов в стиле и «понятиях» промышленных дельцов: «Громкая некогда фирма «Гучков и Ко» если и будет продолжать свое существование, то лишь значительно сократив свою деятельность, сведя свои операции почти на нет» [1910.31 дек.]

Оппозиционность газеты и группы «издателей», стоявшей за ней, объяснялась, с одной стороны, объективными причинами: стремлением

крупного капитала вырваться на простор, устранив при этом препятствия в виде дворянских привилегий, царской бюрократии и ветхозаветного купечества, питающегося подачками от двух первых.

Главным препятствием считалось правительство. «Неумелость нашей бюрократии, — писало «Утро России», — сделать что-нибудь для подъема производительных сил страны будет еще долго питать оппозиционные настроения» [1910.31 дек.].

С другой стороны, мощным субъективным стимулом оппозиционности газеты был сам П. П. Рябушинский. Его анархистские замашки, острое желание прослыть оппозиционером увлекало сотрудников газеты писать с риском для ее дальнейшего существования. Острые статьи профессора А. Л. Погодина и обзоры прогрессиста А. Н. Брячинова по внешнеполитическим вопросам, политэкономические статьи профессоров А. С. Хаканова и Б. И. Сыромятникова, передовицы профессора В. М. Устинова и самого П. П. Рябушинского, полемический тон корреспонденций штатных сотрудников редакции, письма из-за границы, поразительная осведомленность редакции в думской и правительственной политике — привлекали к газете «Утро России» пристальное внимание петербургского и московского цензурных ведомств. В декабре 1910 г. министр внутренних дел обратил внимание на вредное направление газеты, «в коей продолжают печататься исходящие из революционных и преимущественно эмигрантских кругов, сообщения, интервью и корреспонденции, в виду чего этот орган становится в сущности проводником в среду читающей публики в России известий о жизни и деятельности революционных организаций; кроме того, в этой газете появляются даже перепечатки из подпольных периодических изданий».

Оппозиционная смелость П. П. Рябушинского оборачивалась частыми судебными-административными преследованиями газеты. С 1909 по 1912 г. сменилось семь редакторов газеты, по количеству выплачиваемых штрафов,

по сведениям Московского комитета по делам печати, «Утро России» в 1910 г. заняло лидирующее положение.

Оппозиционный характер газеты привлекал внимание не только властей и цензуры, но и подписчиков. В 1909 г. при возобновлении издания их было 10 тыс., осенью 1910 г. редакция сообщила о 25 тыс. подписчиков, а к началу 1913 г., по данным главного управления по делам печати, их было уже 40 тыс.

Оппозиционность московских прогрессистов была крепко замешана на национал-патриотической идее. В редакционной статье предновогоднего номера газета призывала русский народ к активной деятельности по созданию Великой России, патриотизм объявлялся той силой, с помощью которой возможно осуществить эту задачу [1910.31 дек.]. Из редакционных статей с патриотической тематикой был составлен сборник статей «Великая Россия», выпущенный в декабре 1910 г. под редакцией П. П. Рябушинского. Конечно, патриотизм прогрессистских капиталистов отличался от «национализма» черносотенцев. Отстаивая интересы крупной национальной буржуазии, «Утро России» выступало против привлечения иностранного капитала в банковско-кредитную сферу, ограничив его применение лишь областью разработки природных ресурсов, и в поддержку протекционистской политики, которая, по мнению газеты, будет являться «краугольным камнем наших торговых отношений». Но национальные интересы буржуазии требовали расширения торгово-экономических связей на мировом рынке. И когда А. И. Гучков допустил промах, предложив Думе манифест октябристской фракции, объявлявший таможенную войну США в ответ на расторжение торгового договора с Россией, «Утро России» всей мощью своих перьев обрушилось на незадачливого экономиста. «А. И. Гучкова, — говорилось в одной из статей, — послали в Государственную думу плохо осведомленные (в ту пору) насчет его политических и экономических дарований голоса торгово-промышленной Москвы. Накануне

предвыборной борьбы в IV Думу подпись А. И. Гучкова под вздорным законодательным предложением фракции «Союза 17 октября» сослужит неоценимую службу будущему заместителю горе-экономиста по московскому мандату» [1911.10 дек.]. Предсказания газеты о том, что московский мандат достанется другому депутату, сбылись. И «Утро России» с удовлетворением отмечало: «Москва доказала Гучкову, что не разделяет его «неугасимой» веры в «искренность власти»,.. осуждает «компромиссы и уступки», под знаменем которых томительно протекала вся пятилетняя деятельность печальной памяти октябристской Думы» [1912.21 окт.].

С лета 1911 г. «Утро России» становится авторитетным органом прогрессистской буржуазии. Газета выступает с большим апломбом, не пропуская без своей оценки ни одного значительного события во внутренней жизни страны, подробно освещая вопросы внешней политики и международных отношений. После смерти П. А. Столыпина, газета уделяла особое внимание кандидатуре его преемника. Еще до официального назначения на пост председателя Совета министров В. Н. Коковцова, «Утро России» приветствовало нового премьера, утверждая, что при упоминании его имени «в воздухе проносилось уже тихое примирение» [1911.8 сент.]. Особенно радовало буржуазных прогрессистов совмещение Коковцовым постов премьера и министра финансов, в отличие от столыпинского совместительства на посту министра внутренних дел. У такого главы кабинета, писала газета, «на первом плане будут всегда и во всем реальные интересы России, и ее населения» [1911.7 и 13 сент.].

«Утро России» пыталось даже «подсказать» программу деятельности новому премьеру: «Общая программа Коковцова должна свестись, по мнению коммерческих кругов, к улучшению культуры нашего земледелия, развитию всех отраслей промышленной и торговой деятельности, развитию в стране просвещения, упрочению законности, порядка и вообще поднятию ее

общего культурного уровня», а «в одном этом призыве к примирению лежит уже целая самостоятельная политическая программа» [1911.13, 27 сент.].

Задолго до окончания работы III Государственной думы газета московских прогрессистов начала предвыборную кампанию в IV Думу. 21 сентября 1911 г. А. А. Стахович опубликовал в «Утре России» статью «Беспартийные прогрессисты», в которой доказывал, что партийные деяния в провинции практически отсутствуют, и разница между кадетами и октябристами сводится лишь к политическому темпераменту, тогда как в «органической реальной работе они могут идти вместе». В конце 1911 г. «Утро России» уже строило прогнозы по поводу выборов: «Успех выборов, — говорилось в статье «Выборные перспективы», — за прогрессивными группами будет вполне обеспечен, если они сумеют, а главное, получат возможность расколоть этих новых мелких землевладельцев-избирателей, пробудив в них интерес к выборам и склонив их на свою территорию» [1911.30 дек.].

Критикуя дворянство, «карета прошлого, карета с гербами» которого стоит на пути капиталистического развития, газета всячески восхваляла национальную буржуазию, отстаивая ее претензии на руководство страной. В статье «За будущую великую Россию» «Утро России» в очередной раз провозглашало появление в стране «могущественного и духовно, и материально класса буржуазии, который неминуемо станет первенствующей политической силой», если будет действовать единым фронтом [1912.1 янв.]. С этой целью газета призывала к объединению действий всех представительных организаций буржуазии, чтобы «сказать свое слово» на выборах в Думу и «взять» в свои руки концевые нити экономической политики России» [1912.9 февр.].

Укрепив свои позиции в торгово-промышленных кругах Москвы, группа Рябушинского ищет политической опоры для выхода на всероссийскую политическую арену. По предложению лидера думских прогрессистов И. Н.

Ефремова большинство «прогрессивных московских промышленников» 17 марта 1912 г. вступило в формируемое внедумское беспартийное прогрессистское объединение, образовав бюро для Центрального и Восточного районов России. С этого момента началась работа по формированию партии. С одной стороны, лидеры буржуазных прогрессистов готовы отколоть от Гучкова наиболее радикальных членов партии, и «Утро России» заявляло, что одна из основных задач прогрессизма состоит в вовлечении в свои ряды левых октябристов для образования в Думе сильного прогрессивного большинства [1912.18 мая]. С другой стороны, усиливаются контакты и переговоры с правым крылом кадетов, особенно с Московской организацией. С третьей стороны, пытаясь опереться на более широкие слои населения, буржуазные прогрессисты заигрывают с «друзьями-социалистами», подпитывая их печать своими средствами.

Петербургских прогрессистов, несомненно, беспокоила «левизна» московских коллег. Это отразилось в полемике между журналом **«Запросы жизни»**, издававшимся при участии академика М. М. Ковалевского, и кадетской «Речью», с одной стороны, и «Утром России», с другой. Речь шла о создании партии нового типа — партии буржуазии. Как известно, такая партия так и не была создана, однако московские прогрессисты после выборов заняли прочные позиции в IV Думе и в дополнение к «Утру России» получили думскую трибуну. Используя эти средства гласности, группа московских прогрессистов старалась добиться буржуазных преобразований и решительных действий правительства на международной арене. Поддерживая заявление В. Н. Коковцова о незыблемости манифеста 17 октября 1905 г., «Утро России» критиковало премьера за его нерешительность в вопросах внешней политики [1912.16 дек.; 1913.1 янв.].

Экономическая часть декларации правительства подвергалась анализу в речи А. И. Коновалова на заседании Госдумы, где он детализировал взгляды, настойчиво пропагандировавшиеся «Утром России». Коновалов заявил, что

он не разделяет оптимизма правительственных кругов, утверждающих, что за последние пять лет Россия вступила на путь широкого развития производительных сил, и переживает сильный экономический подъем во всех отраслях народного хозяйства. Он указал на признаки застоя в ряде отраслей, а сам подъем промышленности назвал неустойчивым. Он также обвинил власть в нерешительности действий по созданию условий для расцвета производительных сил, т.к. «в рамках полицейского строя этот расцвет недостижим». «Только при проведении в жизнь начал правопорядка, только при условии действительно широкого развития в стране профессиональных организаций, союзов, кооперативов, только при гарантии имущественной и личной обеспеченности, при уверенности каждого в завтрашнем дне можно рассчитывать на широкий поток русской самодеятельности. Но таких условий у нас не было и нет», — говорил Коновалов.

Рабочий вопрос, если и поднимался в «Утре России», то ставился в плане возможности примирения работников и работодателей. Ленские события заставили редакцию более внимательно отнестись к этой теме. Сначала под заголовком «Стрельба на Ленских приисках» газета изложила материалы о расстреле рабочих из газет «Россия», «Новое время» и «Сельский вестник» [1912.6 апр.]. А затем из номера в номер печатала статьи собственных корреспондентов: «Кто виноват?», «Отклики печати», «На Ленских приисках», «Причины катастрофы», дословно помещала запросы в Государственную думу, речи депутатов и объяснения министров. На вопрос «Кто виноват?» газета прямо ответила: «владельцы Ленского прииска». Но и правительство виновато не меньше. «Если бы русская государственная власть, — говорилось в газете, — была бы деятельна и широко понимала свои задачи, она успела бы в течение двух месяцев найти почву для справедливого примирения сторон и заботливым улучшением условий труда оградила бы от влияния политических агитаторов, использовавших массовое

недовольство в своих видах, и справилось бы с маленькой ленской забастовкой» [1912.7 апр.]. Объясняя Ленские события в Думе и сам факт расстрела рабочих, министр внутренних дел А. А. Макаров заявил: «Так было и так будет впредь». В ответ на это «Утро России» поместило свой отклик под заголовком «Так было, но так не будет». Он заканчивался словами: «Так было» — потому что этого хотели, «так будет» — потому что мы этого хотим. Но кроме этого «мы», есть еще другое, более важное «мы» — Народ!».

После серии статей о Ленском расстреле, газета обильно помещает на своих страницах сведения о забастовочном движении в столицах и регионах России. При этом выражалась уверенность, что именно промышленная буржуазия может обуздать эту стихию и повести за собой. Редакция напоминала читателям, что только натиск революционной волны 1905 г. позволил вырвать у царизма хотя бы некоторые уступки и что до сих пор буржуазным кругам не хватало «убежденного радикализма», т.е. стремления к коренному перевороту и коренной чистке», а теперь этот «самый сильный класс общества» может, вопреки всему, стать радикальней [1913.13 нояб.]. «Утро России» призывало буржуазию выступить «с ярким чувством сословного достоинства, с глубокой верой в свои созидательные силы и способность свою завоевать для себя и для страны заветное «место под солнцем» [1913.30 нояб.]. Имея в виду наращивание политической мощи буржуазии, газета твердила, что «за нас работает время» и «долго российскому государственному кораблю против течения не продержаться», а «вся революция будет происходить только в умах и долго еще не вырвется наружу», если только не случится война [1914. 23 марта].

Кадетская печать призывала к диалогу с правительством Столыпина. Летом 1911 г. московская охранка утверждала, что кадеты верят в неизбежность для правительства поиска сближения с ними после победы

оппозиции на выборах в IV Думу и готовы сделать «все возможное, чтобы облегчить правительству этот шаг». При этом была ссылка на передовую статью «Речи» по случаю смерти П. А. Столыпина: «Мы ждали, — говорилось в этой статье, — что близок момент, когда власть и общество придут к заключению, что система политики должна быть изменена в том направлении, какое было дано манифестом 17 октября» [1911. 6 сент.]. Сам П. Н. Милюков, вернувшись из поездки во Францию, с надеждой писал, что «другого Столыпина у нас не будет» [1911. 20 сент.]. В октябре публицисты «Речи» упорно заклинали наступление «нового курса», переход к политике «спокойствия и реализма».

Призывы «товарищей по партии» к объединению с «прогрессистами» Милюков встретил в штыки: «Мы столь же мало хотим быть прогрессистами, как и революционерами» [Там же]. Однако «Речь» выступала за сотрудничество с молодой буржуазией в определенных рамках выборной кампании в IV Думу [1912. 1, 2 и 8 марта]. Трудовикам «Речь» советовала признать невыполнимость своей программы и голосовать за кадетов «сообща с остальной оппозицией» [1912. 8 марта].

Правительство всячески вмешивалось в ход избирательной кампании, например, с помощью сенатских разъяснений, инструкций министерства внутренних дел, сужавших круг допущенных к голосованию. Губернаторы на местах часто запрещали предвыборные собрания, а полиция могла себе позволить прямые вмешательства в избирательный процесс. Страницы «Речи» прямо-таки пестрели сообщениями о нарушении гарантированных законом прав избирателей со стороны властей, например, «Калуга. Кадетские собрания закрываются полицией. Полиция не указывает мотивов, побуждающих закрывать собрания, заявляя, что лишь тогда может быть допущено собрание, когда там не будут социал-демократы» [1912. 25 окт.]. Но и сама «Речь» попадала под предвыборный правительственный прессинг. Например, № 8 от 8 октября 1912 г. был арестован якобы за то, что в отчете

об одном из кадетских собраний газета процитировала запрещенные для распространения сведения [1912. 9 окт.].

Тема ленской трагедии в газете «Речь» неожиданно для всех была открыта статьей председателя товарищества, возглавлявшего золотые прииски. Естественно, что в его изложении многие проблемы возникшего конфликта между золотопромышленниками и рабочими были затушеваны [1912. 30 марта]. «Речь» вынуждена была опровергнуть утверждения председателя товарищества о нормальном положении труда и быта на приисках в статье «Кровавые события на Ленских приисках» [1912. 7 апр.]. В подборке «Отголоски Ленских событий» газета рассказала о волне забастовок и демонстраций, возникших на многих фабриках и заводах столицы в поддержку рабочих ленских приисков, о столкновениях забастовщиков и демонстрантов с полицией [1912. 18 апр.]. Публицисты «Речи» писали о своих предчувствиях нового вооруженного восстания. В этой связи газета обращалась к урокам 1905 г. П. Н. Милюков постоянно доказывал, что «физические способы воздействия никогда не достигают цели». «... Вооруженное восстание можно подавить, — писал он, — стоит только «не жалеть патронов». Но нельзя сладить никакими, даже исключительными и чрезвычайными мерами с тем настроением, которым было проникнуто общество накануне конституционной реформы» [1913. 4 дек.].

По-прежнему большое внимание редакция кадетской «Речи» уделяла внешнеполитическим проблемам. Война, разгоревшаяся на Балканах осенью 1912 г., по своему значению выходила далеко за рамки локального конфликта. Для России вновь вставал вопрос о черноморских проливах. С началом военных действий материалы о балканской войне занимают одно из главных мест в русской политической прессе, в том числе и кадетской. Даже выборы в IV Государственную думу в «Речи» были отодвинуты на второй

план. Газета публиковала военные обзоры, отчеты корреспондентов с театра военных действий, беседы с дипломатами, аналитические и передовые статьи. Редактированием материалов, поступающих от зарубежных корреспондентов, занимался К. И. Соколов. Все аналитические материалы по этим вопросам писал П. Н. Милюков. Зарубежные корреспонденты набирались в основном из эмигрантов, которые работали не только на «Речь», но и на другие издания. Например, парижский корреспондент «Речи» Е. Дмитриев сотрудничал в «Биржевых ведомостях», но обещал «Речи», что политических статей писать туда не будет, берлинский корреспондент П. Я. Рысс с 1912 г., помимо «Речи», стал писать в «Русскую молву», обещая при этом ограничиться одними фельетонами. Известный политический деятель либерального направления В. Я. Богучарский (Яковлев), высланный из России на три года, в 1910—1911 гг. был корреспондентом «Речи» в Болгарии, а Л. Назарьянц — в Константинополе.

В балканской войне «Речь» твердо придерживалась позиции защиты славян и отобрания у Турции черноморских проливов в пользу России. П. Н. Милюков, особенно часто выступавший по этим вопросам получил даже ироническую приставку к своей фамилии «Дарданелльский».

В фарватере кадетской печати шли и респектабельные **«Русские ведомости»**. Прокадетская направленность старейшей либеральной газеты привела к сужению зоны ее распространения и влияния, что повлекло за собой существенное уменьшение подписки и розничной продажи. «Русские ведомости» в 1912 году с тиражом 30 тыс. экземпляров занимали лишь пятое место среди десяти крупнейших московских ежедневных газет, уступая не только сытинскому «Русскому слову», но и газетам «Утро России», «Раннее утро» и др.

Народно-социалистическая партия, сформировавшаяся вокруг журнала **«Русское богатство»**, ничем особенно не проявила себя в этот

период. **Эсеры** были гораздо активнее. Не прекращая своего заграничного издания **«Знамя труда»** (1907-1914), они перенесли свою пропагандистскую работу в легальные органы печати. Эсеровские публицисты участвовали в деятельности таких крупных журналов, как **«Современник»** (1911-1915) и **«Заветы»** (1912-1914). А с 1913 года в Петербурге стала выходить легальная эсеровская газета **«Трудовой голос»**, которая из-за репрессий меняла свое название более 10 раз (**«Живая мысль»**, **«Северная мысль»** и др.).

Социал-демократы – меньшевики и большевики так же переместили центр своей пропаганды в Россию на легальной основе.

Меньшевики продолжали выпускать за границей свою газету **«Голос социал-демократа»** (1908-1911), а с 1911 года – **«Рабочую жизнь»**. Кроме того, они сумели сохранить в Москве легальный журнал **«Возрождение»** (1908-1910), продолжавшийся под названием **«Жизнь»** (1910) и **«Дело жизни»** (1911). В 1910 году меньшевики организовали в Петербурге выпуск теоретического органа **«Наша заря»** (1910-1914) и позже сразу трех легальных газет – **«Живое дело»** (1912), **«Невский голос»** (1912) и более популярную и боевую рабочую газету **«Луч»** (1912-1913). Позже выходили **«Живая жизнь»**, **«Новая рабочая газета»** и **«Северная рабочая газета»**; журнал **«Страхование рабочих»** (1912-1918). Вместе с другими социалистами меньшевики сотрудничали в изданиях **«Современник»**, **«Новый день»** и др. Под их влиянием находились некоторые органы профсоюзов. В 1911 году группой эмигрантов меньшевистской ориентации в США была создана большая газета **«Новый мир»** (1911-1917). В Вене Л.Д. Троцкий выпускал нефракционную газету **«Правда»** (1910). Такого же направления придерживался и «внефракционный рабочий журнал» **«Борьба»** (1914).

Центральным органом большевиков с 1910 года стала заграничная газета **«Социал-демократ»** (1908-1917). За границей же издавалась и **«Рабочая газета»** (1910). Ряд нелегальных органов большевиков выходил в

России. В обстановке роста забастовочного движения большевики перешли к созданию своих легальных изданий – теоретического журнала **«Мысль»** (1910-1911) и **«Просвещение»** (1911-1914), рабочих газет **«Звезда»** (1910-1912), **«Правда»** (1912-1914) и **«Невская правда»** (1912). С помощью **«Правды»** издавались журналы **«Вопросы страхования»** (1913-1918) и **«Работница»** (1914, 1917). В Москве выходила легальная газета **«Наш путь»** (1913).

Наиболее влиятельными органами социал-демократов были массовые рабочие газеты **«Луч»** и **«Правда»**. Меншевистский **«Луч»** был своего рода альтернативой большевистской **«Правде»**; между ними постоянно шла резкая полемика, отражавшая идейно-политическое противостояние меньшевизма и большевизма. Отрицая большевистский максималистский принцип «все или ничего», меньшевики считали возможным выдвинуть в 1912-1913 годах обтекаемый лозунг «свободы коалиций». В свою очередь, **«Правда»** выступала против ликвидаторской линии, проводимой **«Лучом»**. Обе газеты рассчитывали на материальную и творческую поддержку рабочих масс и существовали (**«Правда»** в большей степени) на копеечные сборы от рабочих. В обеих газетах давалась богатая информация о рабочем движении, значительное место отводилось корреспонденциям и художественным произведениям читателей.

В условиях экономического подъема получила развитие **деловая специализированная пресса**. Выходили журналы **«Деловая Россия»**, **«Русская промышленность»**, **«Современный экономист»**, **«Торгово-промышленное обозрение»**, **«Торгово-промышленный мир»**, **«Банковское и торговое дело»** и др. По мере развития акционерной формы в сфере промышленности и кредита среди этой деловой печати появляются издания, отражающие не отдельные сферы хозяйственной деятельности, а сам процесс функционирования финансового капитала. Главное внимание в

этих изданиях уделялось операциям с ценными бумагами, вопросу о финансовых перспективах тех или иных предприятий. Этот тип печати, обслуживающий фондовый рынок, назывался биржевой прессой. В столицах выходило несколько десятков биржевых газет и журналов. Среди них: **«Банки и биржа»** (1912-1915), **«Банки и акционерное дело»** (1913), **«Биржа»** (1911-1914), **«Биржевая газета»** (1912-1913), **«Биржевой день»** (1913), **«Финансовое обозрение»** и многие другие.

Среди бульварной прессы выделялись своей агрессивностью, броскостью, информационной всеядностью **«Газеты копейки»**, рожденные от петербургской и распространившиеся по всей России. К 1912 году в стране выходило 73 «копеечных» газеты. Называя себя «первой в России общей, беспартийной газетой», петербургская «Газета-копейка» заявляла, что ее цель «давать за наименьшую плату в сжатом виде, без лишнего балласта все то, чем каждую данную минуту интересуется мир». В этой декларации была доля правды: «Копейки» довели до совершенства информационные жанры, давали широкую хронику событий, умело и хлестко подавали комментарии, позиционировали себя в роли заступников рабочего люда. Так, московская «Копейка» избрала своим девизом слова из поэмы Н.А. Некрасова: «Иди к униженным, Иди к обиженным – Будь первым там». В «копеечных» газетах затрагивались самые разнообразные темы, давались советы на все случаи жизни, печатались претендующие на художественность занимательные, остросюжетные «произведения» с продолжением. Обилие дешевых приложений также привлекало простых людей. Например, петербургская «Газета-копейка» выходила в 1911-1912 гг. в трех изданиях, а в 1914 – в четырех, с приложениями: «Журнал-копейка», «Всемирная панорама», «Листок-копейка», «Альбом-копейка», «Ежемесячник газеты-копейки», «Искорки», «Дом и хозяйство», «Здоровая жизнь», «Общедоступный календарь», «Сборник русской литературы», «Волны», «Библиотека сенсационных романов» и др.

В 1913 году тираж столичной «Копейки» достиг 250 тыс. экз. Влиянием «копеечных» изданий на рабочих были обеспокоены радикальные партии. Поэтому свои массовые газеты для рабочих в «технологическом» плане они пытались подстроить под «копейки», изменив лишь содержательную составляющую. Мощный отряд бульварной прессы представляли так называемые **«понедельничные» издания** (выходившие в понедельник, когда другие ежедневные газеты не печатались). Среди них выделялся **«Синий журнал»** (1910-1916).

Среди сатирических журналов по-прежнему выделялся **«Сатирикон»**. В эти годы редакция стала выпускать тематические номера. Первым из них был «Пьяный номер». За ним шли «полицейский», «цензурный», «военный», «еврейский», «экзаменационный», «пасхальный», «рождественский» и др., например, после убийства П.А. Столыпина, к деятельности которого журнал относился критически, был выпущен «провокационный» номер. Но в целом новый общественный подъем не был замечен журналом.

К 1911 г. «Сатирикон» стал утрачивать свой былой радикализм. Центр внимания редакции перемещался от значительного к занимательному, глубина охвата жизни подменялась сенсационностью. Центральное место в журнале стали занимать шаржи на модных литераторов и артистов. В «Сатириконе» появилась специальная рубрика «Русская грядка на Парнасе», а поэтическими лидерами в журнале стали авторы стилизованных пародий П. Потемкин и С. Черный. По мнению А. Аверченко, журнал должен угодить той части общества, которая чувствовала необходимость стряхнуть с души давящий кошмар столыпинщины, свободно вздохнуть, весело засмеяться. С этим были согласны не все члены редакции. Так, Саша Черный ушел из журнала, заявив, что не разделяет его направления.

В редакции «Сатирикона» работали люди разные, порой далекие друг от друга: революционно настроенный Потемкин, фрондирующий Князев, «внепартийный» Саша Черный, эсер Воинов, эстетствующий С. Горный и др.

Эти различия создавали напряженную обстановку в редакции. А в 1913 году в редакции произошел раскол. Поводом послужили денежные недоразумения между издателем и редактором. Аверченко, Радаков, Ремизов, Потемкин и Тэффи покинули «Сатирикон» и на кооперативных началах начал издавать **«Новый Сатирикон»**. В нем были сохранены самые острые отделы «старого» журнала: «Волчьи ягоды» - сатира на злобу дня, «Перья из хвоста» - полемика с инакомыслящими и «Почтовый ящик». В редакцию пришли новые авторы: А. Бухов, А. Грин, С. Маршак, В. Маяковский и др. Но сохранить популярность «старого» «Сатирикона» редакции не удалось. Уже в третьем номере журнала А. Радаков признавался, что сатириконцам приходится «ломать голову», чтобы придумать интересную и политически цензурную тему. «Старый» же «Сатирикон», несмотря на все усилия издателя, вынужден был закрыться в начале 1914 г.

Но сатириконовцы были почти единственными, кто использовал для «бичевания безобразия, лжи и пошлости» «ужасный и ядовитый смех». Другие журналы просто «веселились». В Петербурге выходил журнал **«Весельчак»** (1910-1912), в Москве его собрат – **«Весельчак. Журнал смеха и забавы»** (1912-1913). «Веселилась» и провинция: в различных городах выходили «Веселая библиотека», «Веселая кафедра», «Веселые звуки», «Веселый балагур», «Веселый скоморох» - «новый, сногсшибательный, сугубо-завирательный юмористический и сатирический альманах-хохотун и веселый болтун», «Валеный сапог», а также журналы, названия которых состояли из одних междометий – «Хи-ха-ха!», «Хе-хе-хе!», «Ха-ха-ха!», «Ха-ца-ца!», «Вай-вай!» и др.

В 1910 году предпринимались дальнейшие попытки создания единой организации журналистов и писателей. В 1912 году вышло шесть номеров журнала **«Сотрудник печати»** для самообразования журналистов. А с января 1914 года начал выходить двухнедельный профессиональный журнал

«Журналист». Он касался, главным образом, профессиональных вопросов и материального положения журналистов, независимо от направления изданий, в которых они сотрудничали; выступал за расширение возможностей деятелей печати; сообщал о фактах преследования изданий.

Таким образом, период нового общественного подъема послужил мощным фактором типологического развития российской журналистики. Дальнейшему ее продвижению помешала первая мировая война.

Глава II.

РОССИЙСКАЯ ПЕЧАТЬ

В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ВОЙНА И ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ ПРЕССЫ

Военная и политическая цензура. Ура-патриотическая пропаганда в печати. Политический кризис и усиление контроля над прессой.

Правительственные и консервативные издания. «Русский рабочий» и «Русская воля».

О грядущей войне заговорили в прессе еще до ее начала. **«Новое время»** в статье «Мир или война?» [1914. 13 июля] выражало надежду: «Есть еще время уйти от кровавого суда». И тогда же заявляло: «В ожидании грядущих событий Россия остается спокойной, опираясь на свою личную мощь, на незыблемый союз с Францией и на свои дружеские связи». Октябристский **«Голос Москвы»** провозглашал, что «война неизбежна», а прогрессистское **«Утро России»** заявляло: «Война ужасна, но неизмеримо ужаснее то кошмарное состояние вечного ожидания войны, под гнетом которого прозябает сейчас вся хозяйственная жизнь страны». Вопреки **«Новому времени»**, **«Утро России»** призывала «отрешиться от несбыточных мечтаний о мире» [1914. 17 июля].

19 июля 1914 года Германия объявила войну России. В царском манифесте по этому случаю содержался призыв: «В грозный час испытаний да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом». В России было введено **«Временное положение о военной цензуре»**, которое включало в себя и политическую цензуру.

«Положением» предусматривался допуск в действующую армию 20 корреспондентов (в т.ч. 10 иностранных) и 3 фотокорреспондента. Каждый кандидат на допуск к театру военных действий должен был иметь безупречную политическую и деловую репутацию, рассматривался лично начальником генерального штаба. Редакция обязана была вносить залог за русского корреспондента 25000 руб., иностранного – 75000 и за фотокорреспондента – 10000 руб. Представители прессы были обязаны находиться в пределах расположения штаба, носить повязки с обозначением «военный корреспондент» и пользоваться лишь той информацией, которую считал возможным давать специально выделенный для этого офицер штаба. Общение корреспондентов с другими офицерами и, особенно, рядовыми солдатами категорически запрещалось. За нарушение этих условий виновный мог быть оштрафован на сумму до 10000 руб., лишен аккредитации и выслан в глубокую тыловую губернию под надзор полиции. В качестве первых фронтовых корреспондентов работали В.Я. Брюсов, А.Н. Толстой, Н.Н. Брешко-Брешковский, В.И. Немирович-Данченко и др. Позже, в 1915 году, когда началась волна неудач и поражений, эти квоты на фронтовых корреспондентов были отменены.

Одновременно с «Временным положением о военной цензуре» был утвержден «Перечень» запрещенных тем и сведений для их оглашения в печати. Сюда входили требования не писать о содержании писем и телеграмм, материальных и людских потерях в армии и на флоте, о волнениях среди мирного населения. Все письма и телеграммы, направляемые в редакции газет и журналов, просматривались на почте. В октябре 1914 г. «перечень» пополнился особым пунктом, которым полностью ограждался от критики в печати и контроля законодательных учреждений Совет министров. Цензура повременной печати была передана департаменту полиции и военному министерству. Военный министр по согласованию с министрами внутренних дел и морским получил право издавать «подробные правила по изменению

настоящего положения». Главнокомандующим и командующим отдельными армиями давалось право на территории размещения прикрывать неудобные издания на неопределенный срок.

Главная военно-цензурная комиссия состояла из девяти человек (председателя, секретаря и семи членов), представлявших военное и морское министерства, иностранных дел и юстиции, главное управление по делам печати, департамент полиции и почтово-телеграфное управление министерства внутренних дел. Структура местных цензурных комиссий в определенной мере повторяла главную.

Военным цензорам было предоставлено право «не допускать к опубликованию путем печати всякого рода сведений, хотя бы и не предусмотренных правилами, но которые могут, по мнению цензора, оказаться вредными для военных интересов государства». За неподчинение цензуре виновные подвергались штрафу от 50 до 500 рублей, а выступающие с призывами к прекращению войны подвергались заключению от двух до восьми месяцев.

Успехи русской армии в первые месяцы войны способствовали единению политических сил и партийной печати. Казалось, в стране установился «гражданский» мир, к которому так стремилось правительство. Легальная печать призывала отдать все «за Веру, Царя и Отечество». Журналисты в конце 1914 г. провели в столицах «день печати». В воззвании, выпущенном по этому случаю, говорилось: «Мы, деятели печати, в эти дни являемся второй, по иному мобилизованной армией великой России. Дело печати в эти дни – подойти к каждой двери и настойчиво стучать в нее и непрестанно напоминать о тех неотложных обязанностях, какие требует от всех нас живая жизнь». Урапатриотическая пропаганда захватила не только журналистов, но и литераторов, добровольно отправившихся на фронт. «Голос Москвы» сообщал о торжественных проводах на фронт в качестве военного корреспондента В.

Брюсова, заявившего: «Забудьте обо мне, я еду простым чернорабочим... Будем верить в победу над германским кулаком. Славянство призвано ныне отстаивать гуманные начала, культуру, право, свободу народов» [1914. 25 июля].

Лидеры буржуазных партий демонстрировали согласие между собой и правительством. Даже приостановка деятельности Государственной думы после торжественного собрания 26 июля 1914 г. не расстроила этого единения. На открывшемся после большого перерыва заседании Думы (февраль 1915 г.) лидеры фракций выступали в тесном единении с царем и его правительством. Однако, как отмечал позже бывший в ту пору министром внутренних дел Н. Маклаков, и тогда «о внутреннем мире нельзя было говорить без лицемерия». Уже в конце 1914 г. начальнику управления по делам печати доверительно сообщалось: «Подъем патриотических чувств, охвативший всю Россию после объявления войны с Германией, отразился прежде всего в прессе, которая вся без различия направлений объединилась в горячих призывах к борьбе с врагом. Такое полное единение продолжалось, однако, недолго, и газеты в обсуждении вопросов внутренней политики вскоре стали принимать привычный им тон и направленность». Правительство искало новые пути усиления «гражданской» цезуры. В марте 1915 г. в Государственную думу был внесен выработанный в 1913 г. проект закона о печати, который так и не был утвержден.

Поражения на фронтах, трудности в тылу, стачечное движение, распространение большевистской пораженческой пропаганды привело к политическому кризису в России. В июне 1915 г. царь подписал рескрипт об отставке военного министра, министра внутренних дел и обер-прокурора святейшего синода. В начале сентября была распущена Государственная дума.

Новому министру внутренних дел А.Н. Хвостову была поставлена задача «умиротворения внутренней жизни России». Его заместитель С. Белецкий прислал в штаб верховного главнокомандующего «Записку», в

которой не только указывал на разобщенность военно-цензурных учреждений различных районов и отсутствие у них объединяющего органа, но и на недопустимость ограничения военной цензуры лишь пределами требований существующего «Перечня». По его словам, «Перечень» запрещенных тем и военных сведений фактически ставил цензоров «в необходимость подписывать своей фамилией устранение от рассмотрения резких статей политического характера, чем содействовали расшатыванию основ и правительственной власти».

Подтверждая общие тенденции власти к ужесточению контроля над прессой, председатель Совета министров Горемыкин в декабре 1915 г. писал в генеральный штаб: «Военная цензура, рассматривая предназначенный к выпуску в свет газетный материал, должна оценивать последний не с одной лишь узковоенной точки зрения, а и с общеполитической, дабы не допускать опубликования таких статей, сведений, слухов, рассуждений и сообщений, которые могли бы идти во вред сохранению общественного единения и воодушевления перед лицом вторгшихся в Россию вражеских полчищ». В ответ начальник штаба направил всем командующим фронтами специальное письмо, в котором указывалось, что военная цензура совершенно отстранилась от вопросов внутренней политики. «Создавшимся положением, - говорилось в письме, - воспользовались многие повременные издания в противоположительственных целях, внося опасную тревогу в общественное сознание и разжигая политические страсти...». «Во исполнение монаршей воли» цензорам вменялось в обязанность оценивать содержание прессы «не с одной лишь узковоенной точки зрения, а также и с общеполитической». При этом требовалось «принятия решительных мер в отношении редакторов», приостановки вредных изданий, закрытия типографий и высылки «виновных из пределов соответствующих губерний на все время военной цензуры». Все эти поправки вошли в проект нового закона о военной цензуре, который в марте 1916 г. был утвержден вновь открытой Государственной думой.

Цензурные и административные преследования оппозиционной прессы усилились. Ужесточилась проверка писем, направляющихся с фронта. В начале февраля 1917 года на имя старших цензоров при телеграфе, бюро печати и Петроградского телеграфного агентства было направлено распоряжение военного министра «принять меры к недопущению печатать какие-либо сообщения о забастовках на заводах». Запрещалось также печатать речи оппозиционных депутатов Думы, не допуская, однако, «белых пятен в газете [на месте изъятых речей], а равно каких-либо заметок по поводу этих речей». Все эти меры принимались в первую очередь против социалистов и их печати.

Накануне и в первые дни войны было закрыто около 80 столичных и местных газет и журналов. Вместе с тем было значительно увеличена финансовая поддержка проправительственной и монархической печати. Если в 1912 и в 1913 гг. на эти цели выделялось 600 тыс. и 800 тыс. рублей, то в годы войны эти суммы росли от 900 тыс. до 1600 тыс. руб.

Правительство быстро перестраивало свою печать на военный лад. При Главном управлении по делам печати был создан особый комитет народных изданий, посвященных военным событиям, для бесплатной раздачи сельскому населению. К многочисленным армейским и флотским изданиям, учрежденным военным ведомством ранее, в начале войны, добавились новые: **«Армейский вестник»** - официальный орган генерального штаба русской армии, **«Война и герои»**, **«Летопись войны»**, **«Боевые известия»**, **«Доброволец»**, **«Солдатский вестник Петроградского военного округа»** и др. В 1915-1916 гг. в Петрограде было создано 135 журналов и 29 газет, в Москве – 120 журналов и 20 газет. Среди возникших изданий были газеты и журналы самого различного характера. Многие из них уже самим названием демонстрировали определяемое войной содержание: **«Последние армейские известия»**, **«Вестник Комитета Западного фронта Всероссийского**

земского союза», «Вести с театра великой войны», «В дни войны», «Великая война в образах и картинах», «Герои», «Вестник Кавказской армии» и др. Новые издания (бульварные, кооперативные, промышленные, земские «листки» и «вестники») с военной тематикой выходили во многих городах России. Издавалась также масса листовок и брошюр – только за полгода войны их было выпущено около 600 общим тиражом 11 млн. экз. Многие из них носили ура-патриотический характер, прославляя русское оружие, успешные боевые действия воинских частей и отдельных героев, замалчивая трудности и поражения и борясь с пораженцами из социалистических партий.

Начальник штаба Северо-Западного фронта со ссылкой на разрешение главнокомандующего объявил, что все части войск в Москве могут бесплатно получать газету «Голос русского» (1906-1915) – «вестник русского патриота». Рекомендовался для выписки в округе и иллюстрированный еженедельник «для солдат» - «Илья Муромец» (1915-1917).

В сентябре 1915 г. в ставке главнокомандующего начала реализовываться идея об организации специального бюро печати. К работе в нем привлекли корреспондентов «Речи», «Русских ведомостей» и «Русского слова». Сведения, которые ставка считала возможным сообщать в печати, предоставлял специально выделенный офицер. Это, однако, совершенно не избавляло направляемые в редакции материалы от цензурной проверки. От общей цензуры было освобождено только «Новое время», находившееся под личной опекой военного министра Поливанова.

Ставку на «Новое время» делал и министр внутренних дел. По его поручению у наследников А.С. Суворина скупались акции для организации влиятельной проправительственной газеты. Кроме того, разрабатывался устав акционерного общества «Народное просвещение» для организации розничной продажи газет и журналов в киосках, на станциях и пароходах. Решая задачу монополизации печати путем централизованной поставки материалов,

обеспечения бумагой и распространения изданий, министр внутренних дел одновременно занимался и проблемой использования в печати рекламы. Взяв в свои руки этот основной источник дохода частных газет, он надеялся превратить его в мощный рычаг управления и экономического давления на периодику.

В 1915 – 1916 гг. были разрешены коллективные поездки на фронт некоторым видным журналистам и писателям. Тем самым правительство и ставка пытались привлечь на свою сторону либеральных деятелей печати.

Выполнение пропагандистских задач возлагалось правительством и на «Губернские ведомости». В начале 1916 года министерство внутренних дел провело съезд представителей официальной провинциальной печати. Министр высказал недовольство содержанием «Ведомостей» и потребовал от редакторов неукоснительно следовать указаниям министерства.

Первая мировая война заставила правительство вновь обратиться к некоторой реорганизации своего **Петроградского телеграфного агентства**. Было принято во внимание, что Германия, в частности директор бюро печати министерства иностранных дел враждебного государства Гамман, еще до начала войны провел специальное совещание, на котором рассматривались вопросы «распространения за границей германского промышленного престижа». Ставилась задача договориться с телеграфными агентствами Гавас и Рейтер о распространении ими благоприятной для Германии информации». На это немецкими крупнейшими промышленниками было решено выделять по 125 тысяч рублей ежегодно. Такая информация распространялась и в России. Русское охранное отделение отмечало: «Одним из сильнейших орудий, которыми Германия борется за политическое и экономическое владычество, является тонкая обработка общественного мнения путем соответственных закулисных влияний, конечно, главным образом непосредственно на проведение общественного мнения — прессу». Поэтому русское правительство, дабы оградить прессу от иноземного и лоббистского

влияния, сконцентрировало сбор и распространение зарубежной информации на своем агентстве при непосредственном контроле МВД и военного ведомства.

В начале 1916 г. новым директором-распорядителем Петербургского телеграфного агентства (ПТА) был назначен ставленник министерства внутренних дел И. Л. Гурменд. Свой приход он ознаменовал реорганизацией ПТА и его Совета. Его многочисленные предложения по улучшению работы агентства в мае 1916 г. были одобрены Советом министров и утверждены Николаем II. Суть этих нововведений сводилась к следующему.

Печатные бюллетени с телеграммами ПТА, ранее распространявшиеся самим агентством, теперь разрешено было передавать для перепечатки частным лицам. Главным условием было неизменность полученного текста. Этим достигалось значительное расширение аудитории, получающей дозированную правительством информацию. Такие бюллетени бесплатно поступали в солдатские окопы и в крестьянские избы.

Расширялось право ПТА на различные виды подписки на пакеты телеграмм. Одним из видов была подписка на дополнительные сообщения. В связи с перегруженностью в военное время телеграфных и телефонных линий лимитировался и объем телеграфной информации. Но для «своих» подписчиков — правительственных и лояльных к правительству газет, издававшихся в крупных провинциальных центрах и связанных с Петроградом прямыми телеграфными линиями, рассылался дополнительный пакет телеграмм, не вошедших в краткую подборку «для всех».

Другим новым видом подписки была специальная, также предназначенная сугубо «для своих». Этот блок информации состоял исключительно из оригинальных материалов собственных корреспондентов агентства. Некоторым газетам за повышенную цену предоставлялся эксклюзивный агентский материал, в основном политического содержания.

Таким образом, правительственное телеграфное агентство, верой и правдой служа царскому самодержавию, не только информировало общественность о событиях в стране и за рубежом, но и успешно манипулировало общественным мнением в политических целях правительственной партии.

Правая печать призывала к ужесточению цензуры для оппозиционной прессы. **«Русское знамя»** предлагало ввести «вместо штрафов и взятия под полную цензуру принудительное сокращение газет. За первую провинность – наполовину, за вторую – наполовину оставшейся половины, за третью – еще наполовину и за четвертую – запретить на все время войны». **«Голос Руси»** призывал: «Избавьте нас от пораженческой пропаганды». Даже **«Русское слово»** было раздражено революционной и антивоенной агитацией социалистов. Со страниц его звучал истеричный призыв: «Хватайте их [пропагандистов] на каждом шагу, карайте беспощадно, по законам военного времени...».

Деятели Союза русского народа в 1915 г. в «Записке для памяти», подготовленной департаменту полиции, указывали, что рабочих и народных газет черносотенного характера «почти нет, а существующие не удовлетворяют назначению». Они предлагали «немедленно создать вечернюю рабочую газету, или самостоятельную, или патриотическую, или приуроченную к одной из существующих больших газет, обслуживающих рабочие интересы».

Именно такая «самостоятельная» газета, «обслуживающая рабочие интересы» и была создана в декабре 1915 г. в недрах департамента полиции под названием **«Русский рабочий»**. Ее целью была борьба с антивоенной и революционной пропагандой и привлечение рабочих на сторону правительства. В передовой статье первого номера говорилось: «Теперь рабочие сознали сами пользу мирного труда и вред политических забастовок, раздирающих не только страну и отечественную промышленность, но и самих

рабочих. Они сознали, что только постепенно путем культурного развития и мирного труда русские рабочие достигнут желаемого. Они сознали, что для них крайне обидно и стыдно не иметь своей рабочей газеты, выражающей «действительное настроение большинства», которым опротивело натаскивание рабочих агентами немецких социалистов на безумные проявления уличного социализма по программе Маркса». «Социал-демократические идеи, - отмечал автор передовицы, чужды духу русского народа. Это немецкие ядовитые газы, отравляющие душу рабочих...». Говоря якобы от рабочих, редакция заявляла: «Мы желаем, чтобы наша газета «Русский рабочий» не развивала надоевшего нам политиканства и партийности [1915. 2 дек.]. Однако реакционное политиканство и антипартийность как раз и являлись главной особенностью новоявленного «Русского рабочего». Вот только небольшой перечень статей, направленных против социал-демократов: «Что такое социализм мечтательный, научный и уличный», «Ужасы революции и правление социал-демократов», «Не верь социал-демократам», «Мы русские рабочие, а не социал-демократические пролетарии» и т. п. Доставалось, конечно, и другим партиям или их группам, выступавшим против войны и за свержение самодержавия.

«Русский рабочий» дожил до Февральской революции. На протяжении времени своего существования редакции неоднократно и тщетно приходилось доказывать свою независимость от департамента полиции и опровергать заявления других газет и депутатов Думы, что «Русский рабочий» субсидируется из рептильного фонда.

Монархисты всех мастей призывали своих сторонников сплотить ряды и усилить борьбу против «крамолы». «Особенно, - подчеркивали они, - зорко следить за местной печатью и настойчиво требовать недопущения, возбуждающих против правительства и лживых статей, так как подобной настойчивостью только и можно будет добиться их обуздания». Они

призывали все монархические союзы больше печатать и шире распространять свои листки и укреплять связь этих союзов друг с другом.

В начале 1917 г. министерству внутренних дел было дано указание об организации мощной ежедневной патриотической печати в столицах и крупных центрах страны в количестве 10—12 влиятельных органов. Хвостову удалось добиться от царя согласия на выделение сотен тысяч рублей на предвыборную кампанию 1917 г. и задуманную им в «широких размерах» правительственную агитацию; на осуществление плана борьбы с оппозиционной прессой; для расходов на рептильные издания и ассигнований «департамента полиции на монархическую печать». Но этим проектам не суждено уже было сбыться.

Тема войны вытеснила со страниц газет все другие. Экстренными прибавлениями печатался Высочайший манифест. Вслед за царем либеральные партии призывали к политическому и патриотическому единению во благо всеобщей победы. С этой целью в конце 1914 года проводились выставки «Война и печать»; создавались журналистские объединения: Всероссийский союз редакторов, Петроградский союз деятелей печати, Петроградское общество журналистов и др.

В прославлении русского оружия, героизма русских солдат и офицеров и правые, и либеральные газеты были заодно. Едины они были и при создании образа врага. Черносотенное **«Русское знамя»** призывало всех биться «с лютым, ненавистным искони народом-разбойником, народом-фарисеем до последней капли крови, пока ненавистная всему славянскому племени тевтонская раса не будет сокрушена, пока во главе своей победоносной рати Великий Верховный Вождь России не вступит торжественно в разрушенную столицу врага... Бить взбунтовавшегося немца и похоронить его, супостата, под ноги русского царя [1914. 20 июля]. «В лице немцев, - убеждала газета, -

против России выступает орда людей-зверей, потерявших всякий облик человеческий, всякий стыд и совесть» [1914. 25 июля].

«**Биржевые ведомости**» из номера в номер помещали корреспонденции, в которых живописали «зверства» немцев. Немцы, писал поэт С.М. Городецкий, понимают только язык пушек. «Бить немцев как можно сильнее» – вот лозунг специфической любви к немцам для тех, кто ей подвержен».

«Биржовка» под руководством Д. Розанова и ее издателя С. Проппера продолжала выходить утрени и вечерним выпусками. Материалы газеты группировались по отделам: «Сведения о ходе военных действий», «Телеграммы», «Мелочи войны», «На Ближнем Востоке», «Герои», «На море», «Из писем в редакцию», «Лазареты». В газете постоянно печатались фельетоны, очерки, стихи. Почти в каждом номере здесь встречались статьи и впечатления под заголовками: «По следам отступающего врага», «Путиами крови и побед», «Германские звери в Калише» и др.

В большой статье «Гигиена героизма» редакция ратовала за то, чтобы героизм, проявившийся в начале войны, сохранился на все время. Говоря о внутривосточной обстановке в стране в статье «Преображенная Россия!», публицист «Биржевых ведомостей» с восторгом отмечал: «Где партии, где сплетни, где самоубийства, где хулиганы, где уличные происшествия? Нет ничего, как не бывало. Мгновенно спали все путы, сети и пелены, «скрывавшие великий образ единой могущественной России» [1914. 5 авг.]. В статье «Чему теперь порадовался бы Толстой» автор «Биржовки» отмечал, что писатель несомненно порадовался бы исчезновению «национальной нетерпимости и племенной розни», тому, что «при наступившем повсеместном идейном одушевлении рухнули безвозвратно давние перегородки партийных подразделений и восторжествовала в жизни победоносная сила сверхнациональной и сверхвероисповедальной солидарности» [1914. 7 нояб.].

Конечно, «Биржевые ведомости» не могли в этой связи не поддеть непримиримых социалистов, распространяющих пораженческую пропаганду. Бывший социал-демократ и легальный марксист П.Струве в статьях «Разложение Интернационала» и «К.Маркс и восточный вопрос» утверждал на страницах газеты, что поведение лидеров II Интернационала привело мировой социализм к краху. В статьях о положении в немецкой социал-демократической партии и взглядах А.Бебеля на войну «Биржовка» изображала революционную партию и ее лидеров пособниками немецкой военщины. Газета призывала и внутри страны к борьбе «против возможных эксцессов черни и усиления крайних левых тенденций» [1915. 19 авг.].

Не только С.Городецкий, но и другие писатели и поэты прославляли войну. И.Северянин писал в «Биржевых ведомостях» [1914.12 окт.]:

Когда Отечество в войне

И нет воды, лей кровь, как воду...

Благословение народу, благословение войне!

Активный сотрудник «Биржевых ведомостей» Л.Андреев являлся одним из самых последовательных сторонников войны. Он выступил со статьей «Пусть не молчат поэты!», в которой призывал русских литераторов думать, писать и говорить только о войне и для войны. Андреев ругал те издания и их авторов, которые уклонялись от прославления войны. «Война занимает слишком малое место в духовной жизни русской интеллигенции, - с возмущением писал он. - Это - опасно. Это признак омертвления» [1915. 18 окт.].

Однако поражение русской армии в Галиции весной 1915 года и последующие неудачи на фронтах, привели общество к тревоге, волнениям и прямым недовольствам действиями правительства и верховного командования. Да и сама внутренняя политика царского правительства переживала глубокий кризис. За 1914 -1917 гг. сменилось четыре председателя

Совета министров; с осени 1915 по 1916 г. – пять министров внутренних дел, три военных министра, четыре министра земледелия.

Затяжной и пораженческий характер войны отрезвил даже самых верных патриотов самодержавия. Неподготовленность армии, неорганизованность государственного руководства, слабость командования становились очевидными для всех. Положение пыталась спасти новая газета – **«Русская воля»**, возникшая в конце 1916 года на средства банковского капитала и при активном участии близких к правительственным кругам людей (например, инициатор проекта А.Д.Протопопов стал министром внутренних дел). Имея акционерный капитал в размере 5 млн. рублей «Русская воля» организовывалась с большим размахом. Газета замышлялась как демонстративно демократический и во всех отношениях передовой, создающийся лучшими и популярнейшими силами орган, способный успешно конкурировать с оппозиционными изданиями и руководить общественным мнением без революционных потрясений. Поэтому ее создатели приглашали к сотрудничеству В.Г.Короленко, М.Горького, П.Н.Милюкова, Г.В.Плеханова, А.Блока, но они, понимая истинные намерения авторов проекта, отказались от участия в газете.

Однако издателям удалось привлечь в редакцию довольно мощные силы. Первыми организаторами были М.М.Гаккенбум-Горелов, Э.Д.Гришин и Н.А.Гредескул. Гришин, будучи ректором Петроградского университета, привел в редакцию ведущих профессоров М.Боголепова, Ф.Зелинского, М.Чибинского и др. Из Парижа приехал А.В.Амфитеатров; из «Биржевых ведомостей» перешли Л.Андреев, В.Тан-Богораз, В.Муйжель. Л.Андреев привлек к сотрудничеству В.И.Немировича-Данченко, А.Аверченко, И.Бунина, А.Куприна, А.Н.Толстого и др. «Русская воля» занимала крайние оборонческие позиции. Л.Андреев, являвшийся одним из ведущих сотрудников газеты, в статье «Горе побежденным» подчеркивал: «Вне победы для нас нет спасения». Редакция в первом же номере заявила о готовности

отдать все силы «для великого дела служения Родине, для неустанного призыва к вере в могучие силы нашего народного духа, к бодрости и энергии в борьбе с внешним врагом и с теми внутренними и безответственными силами, которые пытаются создать разруху и затормозить лучшие народные порывы».

ОТНОШЕНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ К ВОЙНЕ

Упования на Думу. «Прогрессивный блок». Отмирание октябризма. Кадеты в борьбе за мировую гегемонию. Прогрессисты рвутся к власти. Министерство доверия или правительство национальной обороны.

Однако «гармоничное» единение печати с правительством распадалось. Буржуазные объединения и либеральные политические партии начали выступать с требованиями предоставления им права участвовать в управлении государством и в «правительстве национальной обороны». Председатель Госдумы В.М. Родзянко заявил в печати: «В переживаемый момент необходимо, чтобы мощно прозвучал голос народных представителей. На Думе лежит задача организации народного духа». Думские прогрессисты вместе с октябристами и кадетами создали в Думе мощный «прогрессивный блок» умеренных партий, принявший тактику «мирного» давления на правительство. Но цели войны каждая политическая партия понимала по-своему.

К началу первой мировой войны «Голос Москвы», уже не будучи партийным изданием октябристов, по инерции отражал взгляды их лидеров, охваченных общим порывом консерваторов, националистов и либералов к

единению в «партию русских». Как и манифест 17 октября 1905 г., царский манифест о войне, где содержался призыв к забвению внутренних распрей и единению царя с народом, стал на некоторое время главной идейной линией газеты. Она дает подробный отчет о торжественном заседании Государственной думы в присутствии царя и приводит слова председателя IV Думы октябриста М. В. Родзянко: «Без различия мнений, взглядов и убеждений Государственная дума от лица русской земли спокойно и твердо говорит царю: «Государь, русский народ с Вами и, твердо уповая на милость божию, не остановится ни перед какими жертвами, пока враг будет сломлен и достоинство России не будет ограждено» [1914.27 июля].

В передовой статье «Война» «Голос Москвы» воспроизводил слова царя о его непреклонности вести войну до победного конца и утверждал, что это заявление будет встречено страной «с чувством такого же глубокого нравственного удовлетворения, как и те слова манифеста, которые говорят о причинах войны и необходимости забыть в эту минуту внутренние распри... Россия не обманет надежд, возлагаемых на нее Государем, и, конечно, — писала газета, выдавая желаемое за действительное, — в эту минуту у нас уже нет ни партий, ни внутренних раздоров» [1914.21 июля].

Продолжая тему гражданского единения, «Голос Москвы» осуждал партийных лидеров оппозиции, особенно левых, за их оторванность от народа, непонимание его чувств патриотизма и государственности. «Война показала, — утверждала газета, — что между мировоззрением отдельных лидеров и народной массой лежит глубокая пропасть взаимного непонимания чувства патриотизма и национализма... Война показала также, что в широких народных кругах никогда не может укорениться антигосударственная идея, что никогда эта последняя не может восторжествовать над здоровой идеей правильно понимаемой государственности. Не знаем, как чувствуют себя вожди наших крайних левых и вообще оппозиционных партий, но ясно, что узкая партийность совершенно неожиданно потерпела полное крушение в

момент наиболее серьезный и ответственный. «Вожди» сами оказались вынужденными без боя сдать свои позиции, и надо признать, что после войны нелегко будет занять их вновь».

Однако «Голос Москвы» не дожидаясь момента исполнения своих пророчеств и тихо скончался в июне 1915 г., оставив после себя память «незадачливого» партийного официоза октябристов. В системе партийной прессы «Голос Москвы» не показал способностей ни к агитационно-пропагандистской, ни к организационно-партийной деятельности, оставаясь сугубо московским изданием, отражающим, с одной стороны, политические амбиции лидеров октябризма, и прежде всего А. И. Гучкова, а с другой, экономические интересы группы крупных мануфактурщиков.

Конституционно-демократическая партия после политических объединений консервативно-либерального блока по численности стояла на втором месте. Левое крыло партии по-прежнему представляла газета **«Речь»** под руководством П. Милюкова и И. Гессена, справа кадетов поддерживали газета **«Русские ведомости»**, а также журналы **«Вестник Европы»** и **«Русская мысль»** П. Струве. В столицах и провинции действовала довольно мощная сеть других кадетских и прокадетских изданий. Среди публицистов особенно выделялись П. Милюков, М. Винавер, П. Долгоруков, В. Стахович, Д. Философов, С. Мельгунов, Н. Титовский, П. Струве, Н. Бердяев, А. Изгоев, А. Кизеветтер, Е. Трубецкой, М. Гершензон и др.

В общем хоре призывов к политическому и гражданскому единению на время войны прозвучал и голос лидера кадетов. На торжественном заседании Госдумы 26 июля 1914 г. в присутствии царя П. Н. Милюков призывал: «Каково бы ни было наше отношение к внутренней политике правительства, наш первый долг — сохранить нашу страну единой и неразделимой... отложим же внутренние споры» [«Речь». 1914. 27 июля]. В статье «Очередные задачи печати» «Речь», называя прессу лучшей руководительницей общественного

настроения, обязанной разъяснить обществу, а через него и народным массам «все волнующие их вопросы», призывала журналистов: «указать на возможный ход кампании и предупредить... о возможности неудачи в начале войны и тем предупредить опасный перелом настроения» [Там же]. Подавая пример другим изданиям, «Речь» призывала всех: «Идите на черную работу, какой бы мизерной она ни была» и убеждала сохранять твердость духа и уверенность в победе независимо от удач или неудач в войне [1914. 26 июля].

Накануне войны «Речь» выступала против «патриотической истерии» шовинистической печати. Но в начале войны и кадетские публицисты не убереглись от общих национал-патриотических настроений. И. Гессен убеждал в «Речи»: «С врагом можно делать все» и призывал безжалостно убивать немцев и обращаться с ними жестоко, ибо «горы мира не выровняют пропасти, отделяющей Германию от России».

Приветствуя выход новой «народной» газеты «Защита», «Речь» подчеркивала, что начавшаяся война не обычная, а народная. «До самых глубоких слоев всколыхнула она океан – Россию. Трудящиеся люди: крестьяне и рабочие пошли на эту войну сознательно, приняли ее как веление судьбы...». Поэтому кадеты стремились расширить свою пропаганду в народе, превратить войну во всенародную. Чтобы «довести войну до народа», превратить лозунг о всенародной борьбе с врагом в действительно всенародный, «Речь» призывала к широкому распространению сведений о войне в деревне с помощью адаптированных к пониманию сельской массы «листочков сообщений» [1915. 2 июля].

Вместе с тем осуждалась шовинистическая деятельность черносотенной прессы. «Русская мысль» прямо указывала, что саратовскую газету «Война» субсидирует местное дворянство, «Курскую быль» и Екатеринославскую «Русскую правду» - реакционные землячества. Большинство таких изданий, сообщила «Русская мысль», пользуются «темными деньгами». Журнал отмечал, что много места в провинциальных изданиях занимают перепечатки

из главных черносотенных органов – «Русское знамя» и «Земщина». Вся эта пресса «разжигает внутри страны национальную рознь и смуты» [1914. № 12].

Один из наиболее активных сотрудников «Речи» Д. Философов, проанализировав вышедшие во время войны номера «Русского инвалида» и «Армейского вестника», предостерегал журналистов военных официозов от погони за победными сенсациями. Он призывал публицистов меньше обращать внимания на политические проблемы и давать «побольше статей по военному делу».

Создавая это «положительное настроение» к войне, сама «Речь» писала: «С поразительным единодушием во всевозможных общественных слоях высказывалось убеждение, что настоящая война есть война за мир — и за прочный мир». Основу этого «прочного мира», кадеты, как и все национальные патриоты, видели в реализации освободительной миссии России и ее возросшей мощи в мировом масштабе. Они всемерно поддерживали притязания царского правительства на проливы и его стремления усилить свое влияние на Балканах для освобождения и возрождения «малых народов, поглощенных сильными». А. Кизеветтер в нескольких статьях журнала «Русская мысль» напечатал трактат «Россия и Константинополь», обосновывающий эти притязания, а в статье, помещенной в «Русских ведомостях», заявил, что владение проливами необходимо для экономического и политического развития России и объявил их захват «выходом к прогрессу и свободе» [1915. 15 февр.]. «Задача всеобщего освобождения народов, - писал Е.Трубецкой в статье «Война и мировая задача России» «Русской мысли», - может быть разрешена лишь через нашу победу — через такую победу, которая отдаст нам в руки мировую гегемонию».

Правые кадеты не остались в стороне от полемики о социализме и социалистах. В «Русской мысли» со статьей «О пафосе социализма» выступил П.Рысс. «Поколениям, воспитанным на социализме, - писал он, - приходится с большим волнением отмечать крах пафоса социализма западного, того,

который исходил из положений марксизма». В период войны, утверждал автор, когда государственные интересы оттеснили все другие, социалистические партии вынуждены «превратиться в национальные социалистические партии, иначе они сходят со сцены», т.е. отречься от марксизма.

Процесс над пятью большевиками – членами Государственной думы, которые, по версии осведомительного бюро, «поставили своей деятельностью поколебать военную мощь России путем агитации против войны посредством подпольных воззваний и устной пропаганды», вызвал одобрение большинства консервативной и либеральной прессы и осторожное противодействие ей кадетов. «Русские ведомости» осуждали печать, которая «усиленно, в явном противоречии с обвинительным актом и данными судебного следствия старается посеять в среде читателей о совершенной будто бы пятью членами Думы измене».

В данном случае кадеты опасались за падение авторитета Думы в глазах правительства и народа. Только в Думе и при ее помощи, утверждали «Русские ведомости» можно «осуществить тесное и деятельное сотрудничество, которое сейчас является вопросом жизни и смерти для нашей страны». Дума может и должна «выразить и осуществить не интересы каких-либо классов, разрядов и «курий», а волю всей страны». Но для этого, по мнению газеты, правительство должно пойти навстречу Думе и общественности. «Сейчас нужны не «уступки», не «смягчения» режима, а нечто несравненно большее. Снять путы с общественных сил, призвать их на помощь и опереться на них – вот где путь спасения» [1915. 19 июля].

Но поражения на фронтах, приведшие к затяжному характеру войны и внутреннему напряжению в стране вынудили кадетов снова стать в оппозицию к правительству. «С тяжелым чувством приходится вступать в 1916 г., - писал журнал «Вестник Европы». – Внутреннее положение не радует. Болезненно нужен внутренний мир...» [1916. № 1]. Правительство, по

мнению П. Милюкова, оказалось неспособным руководителем в этой сложной и ответственной обстановке. «Министерство, пользующееся доверием населения – вот чего, в сущности, требует страна, - заявлял лидер кадетов. – Это – идеал, приближения к которому мы должны добиваться». «Речь» и другие кадетские издания настойчиво требовали формирования министерства доверия, ответственного перед Думой. В специальной передовой о политической власти редакция «Речи» категорически заявляла: «Мы ставим первым условием возможность доверия страны к власти» и требовала отставки правительства Горемыкина. Лидер кадетов П. Милюков заявил в Думе, что более бездарного или преступного правительства он не знает, а о царе высказался еще резче: «Старый деспот, доведший Россию до полной разрухи, должен добровольно отказаться от престола или будет низложен».

Блок прогрессистов представляли московская газета «**Утро России**», петербургская ежедневная вечерняя «**Финансовая газета**» (с 5 августа 1915 г.) – политико-финансовый, экономический, промышленный и биржевой орган и еженедельный **журнал «Промышленность и торговля»** - орган совета съездов представителей промышленности и торговли.

«Утро России» с начала войны стало издавать экстренные выпуски, а с сентября 1914 г. – вечернюю газету под тем же названием. Наиболее активными сотрудниками в эти годы были публицисты и военные корреспонденты Т. Ардов (В.Г. Тардов), Н. Бердяев, Г. Загоскин, Н. Минский, А. Стахович, В. Филатов, Б. Шуйский, В. Язвицкий, а также профессора Г. Кожевников, А. Погодин и др.

Начало войны прогрессистская печать встретила с восторгом: «Свершилась война с Германией! В этот великий момент вся Россия в едином порыве доверия и любви сплачивается вокруг своего державного вождя, ведущего Россию в священный бой с врагом славянства» [1914.4 агв.].

В передовой «Снами бог!» «Утро России» писало: «Сейчас в России нет национальностей... ни правых, ни левых, ни правительства, ни общества, а есть один-единственный русский народ» [1914. 20 июля]. Газета призывала отказаться от обсуждения внутренних («домашних») и внешних политических вопросов, которые, по мнению редакции, должны отойти на второй план. А журнал «Промышленность и торговля» утверждал, что «представители промышленности и торговли твердо уверены в том, что народное хозяйство в целом выдержит эту борьбу». В статьях «Война», «Финансовая мобилизация» и других ставился вопрос о координации военных задач с возможностями промышленности.

Конечно, у крупной буржуазии были свои резоны в этой войне. Во-первых, возможность осуществления долгожданной мечты о захвате проливов на южных морях. Еще до вступления Турции в войну «Утро России» радовалось признакам враждебности Турции по отношению к России, считая, что ее выступление на стороне противника «соответствует давнишним великодержавным интересам России». А факт присоединения Турции к антирусской коалиции газета назвала «радостным для будущего развития России». Журнал «Промышленность и торговля» в статье «Царьград и проливы» писал, что Россия в результате этой войны должна добиться полного контроля над Босфором и Дарданеллами.

Буржуазные прогрессисты под лозунгами развития русской нации и ее самостоятельности ратовали за устранение немецкой конкуренции и за расширение российского рынка. «Утро России» подчеркивало, что кроме «идейных» задач войны, «не мешает напомнить и о материальных», а это: освобождение внутреннего рынка России от «германского засилья, пересмотр русско-германского торгового договора, уничтожение германской посреднической торговли». Вместе с тем журнал «Промышленность и торговля» предупреждал о том, что репрессивные меры против германских товаров «могут задеть материальные интересы русских подданных», если не

насыщать рынок собственной продукцией [1914. № 16]. «Ликвидация немецких предприятий, - подчеркивал обозреватель журнала, - не изменит условий русского промышленного рынка. Эта мера имеет только политическое значение. В России необходимо создание национальной экономической политики» [1915. №2].

«Финансовая газета» с первых номеров ринулась в поддержку своих собратьев по прогрессистскому блоку. «Задача момента, - подчеркивала она, - требует быстрого и решительного поворота в сторону индустриализации». Для этого, по мнению газеты, необходимо идти «по пути капиталистического развития, ставшего уделом всего цивилизованного мира... Капитализм несет с собой победу прогресса; он не совместим с рабством; он принципиально заинтересован в свободе; ему нужна свобода личности, мысли, промыслов, труда, передвижения». Вместе с капитализмом должен прийти и деятель нового типа – «просвещенный организатор, руководитель, созидатель» [1915. 5 авг.].

По мнению газеты «Утро России», война является столкновением двух рас, двух культур – славянской и германской («бездушной», «презренной»). «Это война, - писал Т. Ардов, - война мести, война исторической мести». Против бронированного кулака немцев – «народоубийц», писал он, поднялся весь русский народ [1914. 27 июля]. Потому так рьяно со страниц «Утра России» раздавались патриотические призывы к победе. В статьях «Энтузиазм русской печати» [1914.4 авг.], «Первейший долг печати» [1914.11 авг.], пресса призывалась к выполнению своей первостепенной роли — «поднятию непобедимого духа народа».

Газета призывала и к практическим действиям, например, к мобилизации ресурсов страны: «Надо немедленно ни одной минуты мобилизовать всю промышленность и приспособить все фабрики и заводы только к нуждам войны. Каждое предприятие, которое нужно для войны, должно быть усилено станками и машинами с тех фабрик, где нет работы для обороны. Все рабочие

должны быть мобилизованы, переведены на военное положение...» [1915.23 мая]. Именно «Утро России» впервые выдвинуло лозунг «Все для войны, все для победы!». Позже к этому лозунгу добавился другой – «Все на помощь власти!».

Газета призывала покончить с либеральными настроениями и бороться за единение народа, нации с правительством, государством. «Только через государство, посредством государства, - подчеркивало «Утро России», - мы сумеем осуществить национальные порывы русского народа и русского общества» [1914. 13 дек.]. При этом прогрессисты требовали создания «правительства национальной обороны» с включением в него «общественных элементов» (крупной буржуазии). Русская буржуазия, писало «Утро России», «сумеет найти людей, которым вверит огромное государственное дело, а вместе с тем и свою судьбу как класса» [1915. 30 мая]. По инициативе газеты был создан центральный орган всероссийского Союза земств и городов.

Начавшиеся поражения русской армии заставили прогрессистскую буржуазию пересмотреть свои «гармоничные» отношения с правительством. «Утро России» публикует детальное изложение требований московских промышленников. В статье «Политическая идеология либеральной русской буржуазии» утверждалось, что «в течение почти 10 лет русская буржуазия накапливала политический опыт и выработала свою политическую идеологию. Именно эта буржуазия требует передачи власти людям, пользующимся доверием страны, именно она дала толчок новому движению буржуазно-оппозиционных кругов...» [1915.4 сент.].

Русская буржуазия почувствовала себя самодостаточной, чтобы обходиться без интеллигентских подсказок бывших мирнообновленцев и кадетов. Выдвигая в Думе более левый лозунг «ответственного министерства», чем кадетский («министерство доверия»), буржуазные прогрессисты называют либеральную интеллигенцию чиновниками с

«признаками неопределенного томления» [1915.21 янв.], кадетов «Утро России» сравнивает со светлячками, отмечая, что «непременное условие свечения либерала — тьма, чем гуще тьма, тем ярче светлячок» [Там же.].

Прогрессистов уже не удовлетворяют их общественные и профессиональные объединения, они озабочены созданием собственной политической партии с последующим взятием власти в свои руки. «Финансовая газета» утверждала: «В среде промышленников должна быть образована и чисто политическая организация» [1915. 25 окт.]. В статьях «Политическая идеология либеральной русской буржуазии» [1915. 3 сент.] и «С кем идти?» [4 сент.] публицисты «Утра России» обосновывают необходимость этого процесса «историческим расписанием». Если до этого руководящая роль принадлежала помещикам и дворянам, то «на аванпостах русской политической жизни руководящей колонной является в настоящий момент буржуазия».

Газета публикует «Декларацию» с изложением программы прогрессистов. В ней говорилось о величии и неделимости России и укреплении господствующего положения русской народности; введении конституции и децентрализации управления; развитии народного образования и расширении гражданских прав инородцев; ограничении иностранной конкуренции и защите от нее «национального труда»; свободе профессиональных организаций буржуазии и рабочего класса; обеспечении «сельского населения землей путем укрепления в собственность уже владеемых участков и планомерной колонизации свободных земель на окраинах».

Накануне февральской революции Московские буржуазные прогрессисты по существу завершили всю подготовительную работу по созданию торгово-промышленного союза или партии третьего сословия. Кандидатура лидера ни у кого не вызывала сомнений. В приветственном адресе П. П. Рябушинскому, подписанном крупнейшими московскими капиталистами и опубликованном в «Утре России» [1916.27 дек.], говорилось: «В Вас, Павел Павлович,

промышленное и торговое сословие России нашли верного истолкователя своей тревоги, своего протеста против надвигающейся грозы во внутренней жизни страны. В протесте всех слоев русского общества твердо и безбоязненно прозвучал в лице Вашего голос торгово-промышленной Москвы. Вы ясно и определенно сказали то, что так остро чувствуется всеми нами, что так дальше жить нельзя».

Действительно, прогрессистское «Утро России» в редакционной статье «Последние минуты» открыто заявило: «Именно во имя победы мы должны сказать громко: «С этим судорожно отмирающим режимом мы идем к смерти и гибели!» [1916.14 дек.]. В газете появляются явные намеки на предстоящий дворцовый переворот, она призывает к «энергичной борьбе» с правительством. В статье «Накануне» говорилось: «...Страна стоит сейчас накануне наступления последних сроков. Нет времени для колебаний, для бесцельных уступок, для компромиссов. Одно может вызволить Россию из засасывающей ее трясины — создание кабинета национальной обороны, призыв к власти ответственного правительства народного доверия» [1917.12 февр.].

ВОЕННАЯ ТЕМАТИКА В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Энесы-«богачи» в «Русских записках». Критика шовинизма.

«Гражданский мир» и демократия. Эсеровско-меньшевистский подход к войне. Интернационалисты и «оборонцы». «Летопись» М. Горького. Большевики за поражение русского правительства.

Народные социалисты (энесы), сгруппировавшиеся вокруг журнала «Русское богатство», в самом начале войны понесли серьезную утрату. На основании правил о местностях, объявленных на военном положении, журнал

был закрыт петроградским градоначальником. Но уже в ноябре 1914 г. вместо «Русского богатства» стал выходить журнал под названием «**Русские записки**». Его издателем числился Н.С. Русанов, а редактором – В.Н. Цеховская. В целом и сам принцип паевого товарищества, и структура журнальных книжек, и либеральные ориентиры, и «наследственная» аудитория оставались прежними. Редакция «богачей» сочетала в себе старые и новые имена: В. Короленко, Н. Русанов, А. Пешехонов, В. Мякотин, А. Иноземцев, В. Майский, И. Шкловский (Дионео), С. Елпатьевский, А. Борисов и др. Беллетристический отдел все больше уступал места «корпусному», публицистическому отделу. Здесь значительная доля материалов отводилась под статьи исторического, мемуарного, критико-библиографического характера. Среди авторов таких публикаций были П. Покровский, В. Евгеньев (Максимов), Е. Тарле, П. Юшкевич и др.

Общественно-политическая и военная тематика журнала была представлена рубриками: «Иностранная летопись», «Внутренние дела и вопросы», «Вопросы тыла». «Русские записки» не допускали на свои страницы грубых шовинистических и ура-патриотических материалов. В некоторых из публикаций о немцах говорилось с сожалением и надеждой на скорое изменение их взглядов, возникших под влиянием временных расистских и националистических настроений. В. Майский в статье «Германия во время войны» с осуждением писал о разгуле шовинистической пропаганды в Европе. Главной виновницей начавшейся вакханалии и шпиономании публицист называл прессу. Никогда, подчеркивал он, еще не приходилось читать ничего более гнусного и отвратительного, чем статьи наиболее распространенных буржуазных газет Германии в начале войны. Почти вся немецкая печать «ударила в националистические кимвалы и, точно сорвавшаяся с цепи свора собак, в один голос завопила: Крови! Крови! Крови!» [1914. №1].

В ответ на призывы либералов к единству всех политических сил с правительством и к «гражданскому миру» В.Майский на примере аналогичной немецкой пропаганды отмечал, что от такого «единства» прежде всего теряла демократия, особенно и в первую очередь – пролетариат, ибо именно они должны были делать уступки реакции и шовинизму. Провозглашение «гражданского мира» в Германии привело, с одной стороны, что газеты почти отказались от полемики; с другой, такой «мир» позволил цензуре усилить натиск на рабочую печать, закрыть ряд рабочих изданий. «Как видим, - писал он, - «гражданский мир» в его практическом осуществлении означает собой лишь добровольное разоружение демократии и, наоборот, крайнее усиление (благодаря этому разоружению и благодаря исключительно законам военного времени) позиций политической и социальной реакции».

Редакция «Русских записок» стала на защиту большевистских депутатов Думы, судимых антивоенную пропаганду. Автор журнала утверждал, что идеи, заключенные в обнаруженных у депутатов газетах «Социал-демократ», не так поняты, измена их не доказана. В то же время он выражал беспокойство, что подобное судилище произведет неблагоприятное впечатление на русских людей, на жен и матерей, мужа и сыновья которых погибают на фронте, в то время как деятели Думы, мол, предают их в тылу [1915. № 3].

Энесы были сторонниками войны до победного конца. Поэтому, агитируя за военный заем 1916 г., редакция журнала «Русские записки» призывала: «Всякий рубль, идущий на войну, колючею проволокой преградит путь врагу, меткою пулей догонит его. Пусть же и ваши рубли пойдут на войну. Подписывайтесь на военный заем» [Там же].

Эсеры в эти годы раскололись на два течения: интернационалистов, выступавших против войны, и оборонцев, поддерживающих войну до победного конца. Эсеры-интернационалисты выступали только в подпольных

изданиях. В столицах и крупных городах они выпускали многочисленные листовки антивоенного содержания, в которых звучали призывы: «Долой войну!», «Долой шовинизм!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует революционная борьба!». Они требовали введения восьмичасового рабочего дня и передачи земли в руки крестьян. За второе полугодие 1914 г. эсеровские организации и группы интернационалистического направления в столичных и губернских городах издали и распространили 15 антивоенных листовок, в 1915 г. было выпущено уже 37 листовок, а в 1916 – не менее 42, за всю войну – более 100 листовок. В Париже эсеры-интернационалисты выпускали ежедневную газету «Мысль» (нояб. 1914 – март 1915), закрытую по настоянию русского правительства, а затем в Париже и Женеве – газету «Жизнь» (март 1915- янв.1916).

Эсеры-оборонцы сотрудничали в толстых литературных журналах «Современные записки» (1913-1916), «Современный мир» (1906-1918), «Современник» (1911-1915) и других легальных изданиях. Кроме того, они выпускали за рубежом и распространяли в России газеты «Новости» (1915) и «За рубежом»; вместе с меньшевиками печатались в заграничной газете «Призыв» (1915-1917).

На Лондонской конференции социалистов стран Антанты (февр. 1915) эсеры-оборонцы выступили против большевистской оценки войны как империалистической и заявили, что в ней «интересы русской демократии вполне совпадают с интересами европейской демократии» и что победа Германии и Австрии «означала бы торжество милитаризма, торжество силы над правом... Победа тройственного согласия укрепит передовые европейские демократии, подавит одну из главных реакционных сил Европы...».

Среди меньшевиков размежевание было менее заметным. Хотя их лидер Л. Мартов занял интернационалистские позиции, в массе своей меньшевики выступали за продолжение войны. Это позволило им иметь ряд легальных

изданий. Сохранился, например, меньшевистский журнал **«Страхование рабочих»**. Вместо запрещенного журнала **«Наша заря»** (1910 – сент. 1914) меньшевики стали издавать два других – **«Наше дело»** и **«Дело»** (1915), руководил ими А.Н.Потресов, активными сотрудниками были П.Маслов, Н.Череванин, Е.Маевский, Ф.Дан и др. Журналы печатались небольшими (90 - 140 страниц) книжками. В них печатались рассказы, статьи по разным проблемам, связанным с войной, и материалы под рубриками: «Письма из-за границы», «Вопросы внутренней жизни», «По России и за границей», «Внутреннее обозрение».

В **«Нашей заре»** за 1914 г. Н.Череванин предсказывал поражение Германии и призывал направлять все усилия на достижение победы. А.Потресов резко критиковал немецких социал-демократов за их «промахи» и брал под защиту панславистов России. В сменившем **«Нашу зарю»** журнале **«Наше дело»** в двух номерах была помещена статья немецкого оппортуниста от социал-демократии К. Каутского **«Международность и война»**, где он защищал право социал-демократов поддерживать ту или иную воюющую сторону. «Но, - писал он при этом, - никому еще не приходило в голову видеть в этой партийности нарушение заповеди международной солидарности или оправдание войны». Редакция **«Нашего дела»** оговаривалась, что, ценя данную статью за общие теоретические положения, она возражает против того, что Каутский «позволяет моменту национальной самообороны поглотить и свести совершенно на нет интернационализм», в то время как, с ее точки зрения, следует «примирить интернационализм с моментом национальной самообороны». Автором комментариев был Потресов. Он утверждал, что демократия находится на рубеже двух эпох и коренное различие между старой и новой эпохами состоит в переходе от национальной ограниченности к международной. В 1915 г. лозунг обороны отечества стал главным в меньшевистской прессе. Ведущий обозреватель **«Нашего дела»** Н. Череванин писал в статье **«К характеристике современного положения»**, что в процессе

мобилизации всех сил на оборону пролетарии «должны принять самое энергичное участие под общим лозунгом – самообороны страны от угрожающей ей опасности» [№ 5-6].

Меньшевики создали также газету **«Северный голос»** (Пг.1915. После – **«Утро»**, **«Рабочее утро»**), в Самаре выходил **«Наш голос»** (1915-1916. После – **«Голос труда»**, **«Голос»**), который распространялся по 260 пунктам России тиражом 20 тыс. экз. Ссылные меньшевики в конце 1914 - начале 1915 г. организовали в Иркутске выпуск **«Сибирского журнала»**, а после его запрещения – **«Сибирское обозрение»** («Северный голос». 1915. 31 янв.).

На страницах **«Северного голоса»** широко рекламировались меньшевистские издания и содержался призыв к рабочим, поддержать их своими взносами.

Меньшевики активно сотрудничали в «толстых» литературно-художественных и общественно-политических журналах: **«Современный мир»** (Пг. 1906 – 1918), **«Современник»** (Пг. 1911 – 1915), **«Северные записки»** (Пг. 1913 – 1916), **«Студенческая жизнь»** (Саратов, 1915) и др.

Литературный и научно-политический журнал **«Современный мир»** состоял из двух частей – литературно-художественной и общественно-политической, несшей главную идейную нагрузку. Среди ее постоянных обозревателей были: Н. Иорданский (редактор), А. Финн-Енотаевский, Б.Филатович, В.Майский; активно участвовали Н. Рожков, Ю.Стеклов, В. Кранихфельд, А. Дейч и др. Все они стояли за войну до победного конца. Например, Н. Иорданский в статье **«Да будет победа!»** отмечал, что участие России в войне обусловлено жизненными интересами всех слоев ее населения. Победа обеспечит расцвет страны, а поражение приведет к ее упадку, уверял он [1914. № 9]. Н. Рожков в статье **«Сто лет назад и теперь»** [№ 10] сравнивал войну с Наполеоном с современной российско-германской войной и ратовал за стойкость на фронте и тылу. Здесь же А. Финн-Енотаевский в статье **«Причины мировой войны»** утверждал: **«Для России эта война**

оборонительная, массы увидели необходимость борьбы за защиту отечества, войну национальную». С публикациями выступили: Ю.Стеклов – «Война и германская социал-демократия», Л.Клейнборг – Воинствующая Германия перед судом российской журналистики 1870 – 1871 гг.», Б.Филатович – «Подготовка войны».

В последующих номерах «Современного мира» тема войны занимает еще большее место. Ей посвящены статьи «Германский шовинизм и наука», «Молодежь и война», письмо из Парижа «Тревожные дни»; вводится новая рубрика «Очерки мировой войны». В статье «Мобилизация общественных сил» Л.Клейнборг на примере Крымской и русско-японской войн развивал идею их благотворности для страны. Крымская война, писал он, открыла эру реформ, русско-японская привела к манифесту 17 октября, а нынешняя, мол, приведет к организованности общества. Он объяснял спад революционных выступлений готовностью рабочих поддержать свое правительство. «Точно по знаку руки, писал Клейнборг, - погасла вспышка в Петрограде, прекратились забастовки в Москве, в Бакинском районе; рабочие, с чувством сознания исторической важности момента, подчеркнули, что не время обострять внутреннюю борьбу в момент, когда страна в положении обороняющейся державы» [№ 12].

В первом номере «Современного мира» за 1915 г. со статьей «О войне» выступил Г. Плеханов. Он доказывал в ней, что российское освободительное движение тесно связано с развитием капитализма и делал вывод: «Поражение России, которое замедлит ее экономическое развитие, будет вредно для дела народной свободы». Победа царской России – меньшее зло для освободительного движения, чем ее поражение. Позже социалисты-оборонцы прямо заявили об использовании сложившихся экономических трудностей для привлечения рабочих к обороне «на почве обслуживания нужд защиты войны и смягчения бед военного времени». Они считали возможным и необходимым вести эту работу с другими (даже враждебными) классами, «сходиться с ними

для приложения общих усилий для осуществления некоторых ближайших задач» [1915. № 10]. «Защита страны, угрожаемой разгромом, - говорилось в декларации петербургских оборонцев, - есть кровное дело русского пролетариата. Защита страны есть социалистический долг и обязанность русских рабочих...» [«День». 1915. 6 окт.].

Ежемесячный журнал литературы, политики, науки, истории, искусства и общественной жизни **«Современник»** - «внепартийный социалистический орган» - выходил два раза в месяц. Материалы журнала распределялись по отделам: «Внутреннее обозрение», «Иностранная жизнь», «Литература и искусство», «Библиография», «Мысли и дела. Вопросы общественности». В каждом отделе были свои рубрики. Так, отдел «Внутреннее обозрение» имел рубрики: «Политическая жизнь за месяц», «Экономика и финансы», «Самоуправление», «Печать», «Окраины», «Духовная культура». Сотрудниками этого отдела были Л.Мартов, Е.Маевский, А. Никитский, М.Петров, В.Левицкий и др. В отдел «Иностранная жизнь» входил «Международный дневник», который вел Р.Стрельцов, а корреспондентами были эмигранты Ю.Ларин, В.Калинин, Г.Цыперович, В.Керженцев, Ю.Стеклов и др. Фактическим руководителем «Современника» был Н. Суханов (Гиммер), который вел отдел «Мысли и дела. Вопросы общественности», В числе авторов журнала были объявлены писатели Л.Андреев, Евг. Замятин, А. Ремизов, публицисты Ф.Дан, Н. Рожков, Н.Череванин.

«Северные записки» именовались литературно-политическим ежемесячным журналом и также велись по широкой программе, находившей отражение в отделах «Около войны», «Хроника внутренней жизни», «Наброски», «Литературная летопись». Его наиболее активными авторами являлись Е.Сталинский, Д. Заславский, М.Павлович, Н.Огановский. В нем печатались также Е.Тарле, М. Туган-Барановский, В.Водовозов, Д.Овсяннико-Куликовский, В.Керженцев. Среди сотрудников значились и эсеры: В.Чернов,

А. Керенский, Н. Авксентьев, И. Рубанович. Уже в июльской книжке журнала [№ 7] Я. Сакер в статье «Мировая борьба» критиковал милитаризм и притязания Германии, против которой, по его словам, объединились все. «Напором сил союзных государств, - писал он, - будет сломлена мощь Германии, напором идейного похода человечества, сражающегося сейчас под знаком борьбы с цивилизацией крови и железа, надломлен будет милитаризм, Германия должна быть побеждена».

В следующих номерах редакция публикует статьи «Бессилие немецкой социал-демократии», «Война и социалисты», «Мирское дело», вводит рубрику «Около войны». Последний номер 1914 г. весь посвящен теме войны: статьи «Отрезвление России», «Сумерки Европы», «Две тактики, два плана войны», «будущее Армении», «Война и современная литература», «Война и искусство», корреспонденции «Из Германии». Под рубрикой наброски освещались проблемы внутренней жизни. Публицисты «Северных записок» постоянно проводили мысль о прогрессивном значении войны, ее положительном влиянии на развитие демократии. Один из авторов журнала писал, что во время войны концентрация капитала в руках «синдикатов государств» привела к «демократизации народного хозяйства».

В меньшевистских изданиях большое внимание уделялось печати для рабочих и крестьян. В «Северных записках» были помещены статьи: «О народной газете», «Печатные органы интеллигенции из народа», обзор «Черниговской земской недели» и др. Проведя анкетирование, редакция журнала сообщала, что крестьяне в своих ответах просят больше писать для них, давать материалы о России и заграничной жизни, публиковать статьи по вопросам культуры и политики. Автор обзора делает вывод о том, что «современное крестьянство становится заметным фактором в духовной и общественной жизни деревни» [1916. № 4-5].

В русле меньшевистской пропаганды выступали и некоторые провинциальные издания, например, «**Киевская мысль**» и харьковское

«Утро». Под влиянием меньшевиков находились двухнедельники - студенческий журнал **«Живая сила»** (Пг.1916), журналы потребительских обществ **«Объединение»** (М.,1911-1916) и **«Московский кооператор»** (1916) и др. За границей меньшевики издавали свой центральный орган – газету **«Голос»** (Париж, авг. 1914- янв. 1915) и **«Известия Заграничного Секретариата организационного комитета РСДРП»** (Женева, февр. 1915 – март 1917), руководимых П.Аксельродом, Л.Мартовым, А.Мартыновым.

Г.В.Плеханов в своей газете **«Единство»** и в журнале **«Современный мир»** ратовал за победу России и поражение Германии.

Особняком стоял ежемесячный литературный, научный и политический журнал М.Горького **«Летопись»** (Пг. дек.1915 – дек 1917). Задачи журнала Горький определял очень расплывчато: «Цель журнала – может быть, несколько утопическая, - попытаться внести в хаос эмоций отрезвляющие начала интеллектуализма»; «борьба за интересы интернациональной, планетарной культуры протии национализма, империализма и всеобщего одичания». В письме к Б. Шоу он сообщал: журнал «организуется мною и моими товарищами-интернационалистами. Товарищами его были: издатель А.Н.Тихонов, официальный редактор А.Ф.Радзишевский, известные меньшевистские публицисты В. Базаров и Н. Рожков. Активно сотрудничали меньшевик Н. Суханов, объявивший себя интернационалистом, бывший правдист, отрекшийся от большевистской идеи поражения царского правительства в войне, Л.Каменев, а также Б. Авиллов, Л.Старк, О.Ерманский. И хотя, по оценке цензуры, журнал имел «резко оппозиционное направление с социал-демократической окраской» и относился «к числу пораженческих изданий», В. Ленин оценивал редакцию (горьковских товарищей) как «архиподозрительный блок махистов и окистов (членов Заграничного Секретариата оргкомитета РСДРП – Е.А.). Гнусный блок!». Ему не нравилось, что Горький не пригласил к участию в журнале большевиков.

Журнал выходил тиражом 10 – 12 тысяч экземпляров, объемом 20 – 25 печатных листов в каждом номере. В нем имелись отделы: «Литература и искусство», «Иностранная жизнь», «Внутреннее обозрение», «Наука и философия», «По России» и «Библиография».

Желая сделать журнал органом борьбы против империалистической войны, придать ему международный масштаб, Горький пригласил к участию в «Летописи» Б. Шоу, Р. Роллана и других прогрессивных деятелей Запада. Здесь публиковались произведения писателей-реалистов: А. Чапыгина, В. Шишкова, М. Пришвина, Ф. Гладкова, К. Тренева, стихи А. Блока, С. Есенина и др. В журнале были напечатаны вторая часть трилогии Горького «В людях», часть поэмы Маяковского «Война и мир». Научный отдел журнала возглавлял профессор К.А. Тимирязев, в нем сотрудничали академик И.П. Павлов, профессора И.И. Мечников, Ю.В. Вульф и др.

Публицисты «Летописи» писали о трудностях пришедших с войной, о простых людях, на чьи плечи легли ее тяготы. Они указывали на действия верных царскому режиму партий и вскрывали их стремление поддерживать военную политику царизма. В статье О. Ерманского «Политические отклики», например, изобличались действия черносотенных союзов, объединяющихся в предвидении возможных революционных выступлений народа.

Доставалось и социал-оборонцам. В первом же номере журнала за подписью «Один из недоумевающих» было помещено сатирическое письмо в редакцию под заглавием «Нужны ли убеждения?». Здесь в резкой форме критиковались патриотические призывы Плеханова и идущих за ним Алексинского, Бурцева и др. Раньше, писал «недоумевающий» автор, были убеждения, последовательная борьба, а теперь «пролетарии всех стран» стали патриотами... Плеханов призывает наших рабочих поддерживать правительство в Думе, терпеливо сносить обиды и притеснения фабрикантов, забывать о себе и помышлять только о победе над немцами». Это письмо и

статья Горького «Две души» вызвали бурю протеста как в правой, так и в левой печати.

Горький в своей публикации, противопоставляя революционную Европу реакционной Азии, говорил о наличии «двух душ» у русского человека: от Востока, характеризующегося развитием эмоций, чувств, пассивностью, и Запада, отличающегося интеллектом и энергией. Писатель стремился пробудить критическое отношение русского народа к окружающей действительности, пробудить его политическую активность. «Для того, чтобы нас не грабили, не унижали, не ездил верхом на наших шеях враги внешние и – особенно тяжелые – внутренние враги, - писал Горький в связи с нападками на его статью в «Письме к читателю», - нам необходимо нам необходимо заботиться не о мистической «последней свободе», а о завоевании простейших гражданских прав. Надо попытаться сделать страну грамотной и в буквальном и в политическом смысле, необходимо разбудить и воспитать ее волю к жизни». И далее: «Нам необходимо сделать некое усилие воли, дабы встать на ноги и дружно взяться за дело самозащиты от врагов ближайших к нам» [1915. № 1].

Всего до Февральской революции вышло 14 номеров журнала «Летопись». Вспоминая этот период, Горький писал: «Полтора года тому назад, когда не только либеральная и консервативная, но и так называемая демократическая печать была сплошь заражена шовинизмом, мы начали кампанию против военной идеологии, старались систематически разоблачать те захватнические планы, которые преследуют империалисты всех воюющих стран под лицемерным прикрытием разных благозвучных девизов вроде «право и справедливость», «национальное достоинство и т.п.» [1917. № 2-3-4].

Большевики сразу осудили начавшуюся войну как империалистическую и выступили за поражение русского правительства в этой войне. На страницах своего заграничного центрального органа «Социал-демократ» они ставили

задачу перерастания этой войны в гражданскую. Теоретические заграничные журналы большевиков – **«Коммунист»** (1915) и **«Сборник «Социалдемократа»** (1916) обосновывали антивоенную стратегию партии, критиковали оппортунистов II Интернационала, меньшевистское оборончество, «давали широкую картину внутрипартийной и массовой работы большевистских организаций на местах и рабочего движения в России.

В течение войны большевикам удалось организовать в 17 городах и промышленных центрах страны в общей сложности около 30 своих газет и журналов. Наиболее влиятельными и долгосрочными из них была подпольная **«Наша газета»**, издававшаяся в Саратове тиражом до 10 тыс. экз. и легальный журнал **«Вопросы страхования»**.

2 марта 1917 года Николай II отрекся от престола. В России установилось новое государственное правление.

За короткий срок между первой российской и февральской революциями Россия прошла нелегкий путь стабилизации и реформ, нового общественного и экономического подъема и суровые лихолетья мировой войны. Печать в эти годы обогатилась новыми типами изданий, опытом фракционной борьбы и военной публицистики. Журналистика России по числу изданий, тиражам, охвату территории, разнообразию типов и качеству газет и журналов вышла на европейский уровень.

**Глава III.
ЖУРНАЛИСТИКА РОССИИ
ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА**

ДВОЕВЛАСТИЕ И ПЕЧАТЬ

**Отречение царя. Газеты не выходят. Информация на вес золота.
«Известия» Комитета журналистов. «Известия Советов». «Вестник
временного правительства». Крах монархической прессы.**

Еще до отречения Николая II от престола в столице начал свою деятельность Совет рабочих депутатов и параллельно – Временный комитет Государственной думы. Последний сформировал Временное правительство и 2 марта передал ему власть. Установилось двоевластие.

Из-за бурных событий февральской революции с 25 февраля по 5 марта газеты (кроме «Русского инвалида») в столице не выходили. В Москве типографские рабочие также прекратили печатать газеты из-за отказа издателей помещать новости из Петербурга. Исключение составили **«Известия Московского Совета рабочих депутатов»** и **«Русское слово»**. Информация шла на вес золота. В Петрограде за номер московской газеты платили 25 руб. «Биржевые ведомости» сообщали, что на самодеятельном аукционе за номер «Русского слова» было уплачено 10 тыс. руб.

В то время, пока типографские рабочие отказывались печатать буржуазные газеты, редакторы и ведущие сотрудники крупнейших газет, вместе с думскими журналистами объединились в Союз петроградских журналистов со своим комитетом. Комитет журналистов уже с 27 февраля наладил экстренный выпуск своего бюллетеня **«Известия революционной недели»**. Эта газета выходила ежедневно (иногда два раза в день) до 5 марта и являлась чисто информационным органом. Всего вышло 10 номеров. Внизу каждого номера стоял призыв: «По прочтении распространяйте и расклеивайте». Здесь печатались сообщения о деятельности думского комитета, официальные материалы, призывы к гражданам России, телеграммы из различных городов страны, фронтов и из-за границы. Комитет журналистов выражал свою радость по поводу произошедших перемен и призывал: «Стойко и организованно сплотимся вокруг Государственной думы и дружно выведем исстрадавшуюся родину на светлый путь мирного развития». На страницах этой газеты был представлен состав временного правительства и первые приказы его министров.

В первом номере в крупном заголовке сообщалось: «Газеты не выходят. События идут слишком быстро. Население должно знать, что происходит». Далее шла информация об указе Николая II от 27 февраля о роспуске Государственной думы и Государственного совета с 26 февраля. Тут же решение совета старейшин Государственной думы - не распускать ее.

В №2 привлекает внимание заметка «Революционная армия»: «Число восставших воинских частей растет с каждым часом. Можно утверждать, что почти весь петроградский гарнизон за незначительными исключениями перешел на сторону революционного народа». Затем информация о том, что 27 февраля в столице образовался Совет рабочих депутатов - из выборных представителей заводов и фабрик, восставших воинских частей, а также демократических и социалистических партий и групп. Отмечалось, что «Совет рабочих депутатов, заседающий в Государственной думе, ставит своей основной задачей организацию народных сил и борьбу за окончательное упрочение политической свободы и народного правления в России».

Здесь же сообщалось, что лидер кадетов П.Н. Милюков выступил перед офицерами первого запасного полка. По окончании речи Милюкова перенесли на руках через плац к автомобилю. А.Ф. Керенский также выступил перед юнкерами Михайловского артиллерийского училища. «Долго не смолкавшее «ура» было ответом на эту речь».

В №4 от 1 марта сообщалось о том, что правительства Франции и Англии «вступают в деловые отношения с Временным Исполнительным Комитетом Государственной думы, выразителем истинной воли народа и единственным законным временным правительством России». В №6 от 2 марта опубликован список членов нового правительства и речь П.Н. Милюкова: «... Как произошло то, что русская революция, низвергнувшая навсегда старый режим, оказалась чуть ли не самой короткой и самой бескровной из всех революций, которые знает история!». А в следующем выпуске была опубликована знаменитая речь

А.Ф. Керенского в Петроградском Совете рабочих депутатов, в которой он сообщил о своем решении занять пост министра юстиции в новом правительстве. «Первым моим шагом было распоряжение немедленно освободить всех политических заключенных, без всяких исключений, с особым почетом препроводить из Сибири сюда наших товарищей Депутатов социал-демократической фракции», - говорил он. Цель обращения - получить согласие Петроградского Совета на участие во Временном правительстве и уход с поста председателя Совета. «Я заявил Временному правительству, что я являюсь представителем демократии, — говорил А.Ф. Керенский, - и Временное правительство должно смотреть на меня как на выразителя требований демократии и должно особенно считаться с теми мнениями, которые я буду отстаивать в качестве представителя демократии, усилиями которой была свергнута старая власть». «Слова А.Ф. Керенского, - пишет далее журналист про это «судьбоносное» событие, - произнесенные с огромным подъемом, были покрыты бурными аплодисментами. Трудно передать энтузиазм, охвативший зал заседания. Единственные голоса пытавшихся протестовать против того, что А.Ф. Керенский действовал без формального согласия Совета Рабочих Депутатов, были заглушены единодушными возгласами подавляющего большинства Совета Рабочих Депутатов, устроивших А.Ф. Керенскому бурную овацию, какой еще не видали, кажется, стены Таврического дворца». Этот репортаж хорошо передает атмосферу революционной эйфории, царившей в первые дни Февральской революции, а также экзальтированный, пафосный стиль речей А.Ф. Керенского.

В №8 от 3 марта «Известий» было напечатано сообщение об отречении Николая II в пользу брата Михаила Александровича.

Подобный информационный бюллетень вышел 1 марта 1917 г. и в Москве. Он назывался «**Известия московской печати**». В нем был приведен состав изданий, журналисты которых участвовали в выпуске: «После

двухдневного перерыва газеты «Русские ведомости», «Русское слово», «Утро России», «Раннее утро», «Московский листок», «Коммерческий телеграф», «Эхо Польское», «Вечерний курьер» на основании состоявшегося соглашения постановили выпустить сегодня общий информационный бюллетень «Известия московской печати», посвященный описанию текущих событий. Вместе с тем после выхода бюллетеня предполагается восстановить правильный выпуск московских газет. К моменту печатания настоящего бюллетеня заявили о своем присоединении к общему соглашению московских газет редакции «Коммерсанта», «Трудовой копейки» и «Газеты копейки». Напечатано в типографии «Утра России».

Открывали московский бюллетень огромные заголовки: «Новая власть. Учреждение временного правительства Государственной думы. Армия и флот поддерживают новое правительство». События 23-28 февраля в Петрограде даны под заголовками «Первый день», «Второй день» и т.д.

С выхода в свет «Известий революционной недели» в Петрограде и «Известий московской печати» и начинается история свободной российской прессы в 1917 г. Со 2 марта начали выходить газеты «Русское слово», «Русские ведомости» и другие. Они уже печатались в новых условиях — полной свободы прессы. В «Русских ведомостях» повторялся заголовок из «Известий революционной недели»: «Газеты не выходят. События идут слишком быстро. Население должно знать, что происходит». В материале «События в Москве 28 февраля» газета сообщала: «Полученные сведения о петроградских событиях взволновали весь город. Хотя эти сведения не были допущены к напечатанию в газетах, но они широко распространились среди публики в листках, отпечатанных на ремингтоне или на гектографе. Утром 28 февраля по всему городу шли толпы народа с пением революционных песен и с красными флагами. Их не задерживали ни полиция, ни конные жандармы. Полиция почти не показывалась на улицах». Тогда же в «Русских ведомостях» появилась рубрика «Провинция и государственный переворот».

В первые дни после революции в России стали свободно, бесцензурно выходить все издания, кроме газет и журналов черносотенных, монархических организаций. Ни одного выступления черносотенных союзов в защиту монархии в феврале-марте 1917 г. не было. Типичной была точка зрения В.М. Пуришкевича, который с начала Первой мировой войны в 1914 г. отошел от политики, а в апреле 1917 г. писал, что старый строй прогнал сверху донизу.

Пока Временный совет Государственной думы выбирал членов правительства, Совет рабочих депутатов действовал. При нем была создана литературно-издательская комиссия. По ее указанию рабочие заняли типографию газеты «Копейка», где был налажен с 28 февраля выпуск **«Известий Петроградского совета рабочих (и солдатских – со 2 марта) депутатов»**.

4 марта Совет принял решение типографию «Сельского вестника» передать комитету журналистов, а на следующий день – запретить издание газет «Русское знамя», «Земщина», «Голос Руси», «Колокол», «Новое время» и «Маленькая газета». Правда, по требованию представителей общества редакторов и журналистов Совет рабочих депутатов 10 марта отменил свои запреты и объявил, что «все издания могут впредь выходить без предварительной санкции Исполнительного комитета».

Однако черносотенные союзы и их издания были единственной политической силой, которая представлялась Временному правительству враждебной и опасной. Их активно преследовали. В Петрограде все-таки были закрыты газеты «Русское знамя», «Земщина», «Гроза», «Колокол», конфискована типография «Союза русского народа» в Тучковом переулке. Редакция газеты «Земщина» была разгромлена. За агитацию против Временного правительства в начале марта 1917 г. была закрыта, опечатана и охранялась милиционерами типография «Двуглавый орел» в Киеве. Были проведены обыски у редактора «Земщины» С. К. Глинки-Янчевского, членов

правой фракции IV Государственной думы, руководителей столичных и местных черносотенных организаций и вообще «у лиц, заподозренных в несочувствии революции».

Были арестованы многие деятели монархических союзов, среди них — редактор газеты «Земщина» С. К. Глинка-Янчевский, его сын, сотрудник этой же газеты, художник и автор газет «Русское знамя» и «Земщина» Л. Т. Злотников (писал статьи под псевдонимом «Зло»).

Большевик Д.О. Заславский вспоминал, как «редакции "Земщины" и "Русского знамени" были разгромлены толпой на общем основании с полицейскими участками и охранкой. Сотрудники попрятались, редакторы - Глинка из "Земщины", пресловутый Дубровин из "Русского знамени" - заблаговременно сбежали. Изловить удалось только издательницу "Русского знамени" Полубояринову. Ее водворили сначала на думские хоры, куда отводили избличенных провокаторов и переодетых городских. Дама она была боевая, бушевала, и перевели ее потом в "министерский павильон", где сидели под арестом сановники".

Редактор «Грозы» Н. Жеденов, пожалуй, один из немногих черносотенных лидеров и публицистов, который и после закрытия его газеты Временным правительством продолжал бороться. 26 марта 1917 г. после месячного перерыва **"Гроза"** вновь стала выходить подпольно. Жеденов набирал газету в своей квартире. Он призывал создать новый, независимый союз русского народа, на знамени которого будут начертаны два незабываемых начала: "Православие и Русь". "Пусть союз этот будет республиканским, если это нравится, - писал Жеденов, - но лишь бы объединился русский народ для отстаивания своего исконного достоинства" [1917. 16 апр.]. Лозунг "Грозы" - "Православие и Русь" трансформировался в идею создания организации под названием "Святая Русь". "Гроза" призывала верующих и духовенство к проведению Церковного собора, предлагая своих депутатов. В своей оппозиции к Временному правительству редакция "Грозы"

вслед за большевиками вела и антивоенную пропаганду. В ночь на 15 июля 1917 г. Н.Н. Жеденов был арестован по делу о монархической организации "Святая Русь". В Крестах он и встретился со своим идейным соперником - редактором обновленческой "Земщины" С.К. Глинкой-Янчевским.

Издания Союза имени Михаила Архангела, также подвергались гонениям. В.А. Михайловский записал в дневнике от 7 мая 1917 г.: "Временное правительство не смеет запретить Ленину сеять смуту анархии, и в то же время запрещает печатать письмо Пуришкевича, в котором Совет рабочих обвиняется во многих преступлениях. И это называется свободой слова и печати? Был произвол справа - теперь слева". Правда, В.М. Пуришкевич издавал в это время в Петербурге газету **"Народный трибун"** и выпускал отдельными изданиями собственные произведения, но противодействие со стороны Советов и общественных комитетов действительно было большое. Лидер умеренных черносотенцев Н.Е. Марков, оценивая Февральскую революцию 1917 г. и участие в ней либералов всех мастей, писал: "Тут за дело взялись не бомбометатели из еврейского Бунда, не изуверы социальных вымыслов, не поносители чести русской армии Якубзоны, а самые заправские российские помещики, богатейшие купцы, чиновники, адвокаты, инженеры, священники, князья, графы, камергеры и всех российских орденов кавалеры".

«Известия Петроградского Совета» первыми оповестили страну о событиях в столице. В номере от 1 марта говорилось: «Старой власти возврата нет, глубоко ошибаются, более того: совершают преступление перед народом те, кто пытается заключить с ней компромисс». Здесь звучали призывы «ко всем, кому дорога победа над старым режимом, посильно пожертвовать на нужды революции деньги и припасы»; печатались обращения к рабочим, солдатам и офицерам. «Известия Совета» сообщали о занятии Зимнего дворца революционными войсками, арестах бывших министров и других высокопоставленных лиц; о собраниях, организации городской милиции;

распространении революционных выступлений и создании Советов рабочих депутатов в других городах России.

Подобные «Известия Советов» и другие газеты местных органов власти выходили во многих регионах страны. Например, активный общественный деятель Иваново-Вознесенска, будущий советский писатель Д. Фурманов записал в своем дневнике 3 марта: На сегодня назначено новое собрание (местного революционного комитета общественной безопасности, осуществляющего линию Временного правительства), где, между прочим, будет обсуждаться вопрос о захвате печати». И через несколько дней: «В 12-м часу ночи на заседании Революционного комитета был вызван редактор местной паршивенькой газеты. Ему было предложено: 1) продать типографию добровольно...; 2) уступить в арендное пользование; 3) в случае отказа по 1 и 2 пунктам секвестрировать редакцию...». Конечно, редактор не мог отказаться от такого «предложения», и 12 марта в городе появилась газета местного Комитета **«Иваново-Вознесенск»** вместо издававшегося здесь с 1906 г. «Ивановского листка».

Временное правительство оставило за собой «Правительственный вестник», переименовав его в **«Вестник временного правительства»** и сохранив при этом даже прежнюю нумерацию, а также **Петроградское телеграфное агентство**. В положении о газете Временного правительства было сказано:

1. «Вестник Временного правительства» есть официальная газета, общая для всех министерств и управлений.

2. «Вестник» временно состоит в ведении особой комиссии по ликвидации главного управления по делам печати.

3. Своим назначением «Вестник» имеет полное, с соблюдением точной буквы текста, распубликование во всеобщее сведение актов и документов (законодательного и административного характера), исходящих от

Временного правительства, а также оглашение действий и распоряжений по отдельным министерствам и правительственным учреждениям.

4. «Вестник» имеет два главных отдела: первый официальный, где публикуются тексты правительственных постановлений, указов, приказов, распоряжений и т.д., и второй отдел правительственной или административной хроники, на основании материалов, которые министерства и управления доставляют в редакцию «Вестника»... В тех же целях наиболее основательного отражения деятельности правительства и его органов... «Вестником» широко используются официальные материалы, заключенные в ведомственных отчетах, объяснительных записках, обзорах, докладах...

5. В период занятий Учредительного Собрания «Вестник» дает стенографические отчеты о его заседаниях.

6. На редакторе «Вестника» лежит общее руководство как редактированием газеты, так и ведением его хозяйства: он является ответственным лицом, составляющим годовую смету газеты, выдает своею властью денежные пособия до 100 рублей и т.д.

12. «Вестник» издается на средства, получаемые от подписки на газету и от платы за помещаемые в ней объявления. Могущие последовать остатки обращаются в запасный капитал, из которого покрываются и возможные перерасходы.

14. Обязательными подписчиками «Вестника» являются все министерства и управления, ежегодно представляющие в редакцию списки... учреждений и должностных лиц, обязанных выписывать «Вестник» [1917. № 85. 21 июня].

В «Вестнике» было опубликовано обращение Временного правительства к гражданам Российского государства: «Свершилось великое. Могучим порывом русского народа низвергнут старый порядок. Родилась новая свободная Россия. Великий переворот завершает долгие годы борьбы... Единодушный революционный порыв народа, проникнутого сознанием важности момента, и решимость Государственной думы создали Временное

правительство, которое и считает своим священным и естественным долгом осуществить чаяния народные и вывести страну на светлый путь свободного гражданского устройства».

В марте 1917 г. «Вестник» публикует отклики петроградской печати на Февральскую революцию. Вводит новую рубрику «По России (Отражение великих событий из провинции)». Газета, как и прежде, печатала официальные сообщения, указы и распоряжения новой власти, многочисленные речи членов кабинета министров. В апреле, очевидно, по примеру «Сельского вестника», стала выходить официальная «**Народная газета**».

5 марта восстановился выход всех газет в столицах и провинции. Временное правительство объявило «свободу слова, печати, союзов, собраний и стачек». Был назначен комиссар по делам печати. При министерстве юстиции, которое возглавлял А.Ф. Керенский, было создано особое бюро по печати, которое действовало подобно телеграфному агентству, готовя и рассылая в печать самую злободневную информацию. Один из сотрудников этого бюро писал: «Стремление создать популярность новой власти, заставило Керенского принять близкое участие в делах печати. Нужно было, чтобы печать всегда была под рукой, чтобы сообщать политические новости и все, что совершалось новым правительством. Было создано особое бюро при министерстве юстиции. Этому бюро было поручено сообщать все интересное, что могло иметь какой-либо общественный интерес, либо интерес минуты. Составлялись особые бюллетени, которые ежедневно передавались Керенскому. Это бюро печати имело пропасть работы и не малое число служащих... Конечно, все это стоило больших денег».

И хотя цензура была отменена явочным порядком, само цензурное ведомство сохранилось, продолжая давать рекомендации газетам в интересах Временного правительства: «Нужен оптимизм, а не скептицизм и призыв к сдержанности и осторожности. Во-первых, затруднения с союзниками на почве их тревоги за внутреннее и внешнее положение. Они указывают, что

Временное правительство еще не овладело внутренним положением и в связи с этим проявляют большую сдержанность в денежных вопросах... В-третьих, вопрос о займе нужно всячески муссировать ввиду сдержанного отношения к нему левых кругов».

Журналистам давались указания и по линии военного ведомства. В начале апреля Верховный главнокомандующий генерал М.А. Алексеев на встрече с представителями «большой прессы» прямо заявил: «Печать должна неумолчно твердить о том, что наш лозунг «война до конца» должен быть не только на словах, но и на деле. Мы все должны постоянно повторять, чтобы в всех, и солдатских газетах в особенности, вкоренилась мысль о необходимости войны до конца».

На сторону Временного правительства стала и православная церковь. Святейший Синод в своем послании «Всем верным чадам православной Российской Церкви» объявил Февральскую революцию божьим делом и призвал верующих довериться Временному правительству. 7 марта Синод постановил прекратить богослужения за Романовых. По епархиям были даны распоряжения с рекомендациями молиться о благоденствии новой власти.

РАЗВИТИЕ СВОБОДНОЙ ПРЕССЫ

Без цензуры. Старый «Будильник» помолодел.

Закон о печати Временного правительства. Развитие российской прессы в новых условиях. «За» и «против» Временного правительства. Война и газеты. Правительственный кризис.

В целом, система российской журналистики продолжала развиваться. Как и в предыдущие периоды общественного подъема, особенно заметно стала развиваться сатирическая журналистика. Как и в других отрядах общественно-политической прессы, здесь также шел процесс размежевания между

сторонниками Временного правительства и оппозиционерами. Напряженная борьба разгорелась, например, в «Биче», между демократически настроенными сатириками В. Князевым и А. Буховым, с одной, стороны, и А. Амфитеатровым — с другой. Она закончилась уходом из журнала Князева и Бухова, являвшихся фактически организаторами издания. Однако и при Амфитеатрове идеологическая борьба в журнале не прекращается. Несогласие с политическим курсом, заданным редактором, нет-нет да и проявлялось то в карикатурах В. Дени — ведущего художника «Бича», то в литературных произведениях других авторов. На два лагеря раскололся и «Новый Сатирик» после прихода в него в качестве соредактора А. Аверченко и А. Бухова. Откровенно антидемократической позиции Аверченко и других здесь противостояли произведения В. Князева, О. Л. Д'Ора и других сатириков, стремившихся к критике внутренней и внешней политики Временного правительства, министров и столпов буржуазного общества, к разоблачению дряблости, раздвоенности предательской по отношению к народу тактики русской буржуазной интеллигенции, продолжавшей кичиться своим былым либерализмом и «революционностью».

Аналогичная картина наблюдалась в самых разных изданиях подобного рода — будь то приспособившийся к низменным вкусам обывателей «Трепач», возглавлявшийся Е. Венским, или солидно поставленный орган «обзоров и памфлетов» под названием «Журнал журналов», издававшийся и редактировавшийся И. Василевским (Не-Буквой). В первом из названных изданий линии Е. Венского, В. Горянского и других, ругавших большевиков, противостоял все тот же Князев, ставший одним из главных сотрудников журнала. Во втором — на разных полюсах оказались, с одной стороны, сам редактор и некоторые сотрудники — Б. Мирский, В. Севский, Ю. Зубовский, С. Радин, стоявшие на позициях воинствующего антибольшевизма, с другой - А. Бухов, Я.Окунев, Ю. Слезкин и другие, разоблачавшие отступничество буржуазной творческой интеллигенции.

Черты противоречивости и неопределенности идейных позиций журналистов-сатириков старой буржуазной школы особенно ярко отразились в старейшем русском сатирико-юмористическом журнале «Будильник», издававшемся в Москве. Сразу же после Февральской революции в журнале явно обозначилась тенденция сближения с левыми радикалами, что дало основания представителям буржуазно-охранительного лагеря характеризовать его как большевистский орган. Большевистским журналом «Будильник» не стал и вряд ли мог бы стать. Однако «белой вороной» в лагере буржуазной сатирической прессы он действительно был. Направление журнала определял один из наиболее талантливых мастеров русской политической сатиры предреволюционной поры Д. С. Моор.

В февральские дни «Будильник» приветствует свержение самодержавия, славит революционный народ и завоеванные им демократические свободы, радуется пробуждению и росту политической активности масс. Меньше всего на своих страницах оставляет он места для веселого благодушия и той свистопляски вокруг свежей могилы старого режима, которой с таким самозабвенным упоением предавались в эту пору его некоторые собратья по сатирическому цеху. Бичующей сатирой откликнулась редакция на первые мероприятия Временного правительства, его попытки привести народ к «успокоению» и «умиротворению» путем демагогических заигрываний, обмана, всякого рода посулов и лживых обещаний. Однако сатирики «Будильника» порой все-таки уповали на «порядочных» и «честных» деятелей, которыми, по их мнению, надо было «укреплять» существующее правительство. Они считали возможным путем постоянного давления на него через Советы, «контроля его со стороны народа» повернуть это правительство на путь «добросовестного» служения интересам народа.

В вопросе о войне многие из них стояли на позициях так называемого добросовестного революционного оборончества. В то же время со страниц журнала часто раздавались проклятия братоубийственной войне, ведущейся в интересах мировой империалистической буржуазии, призывы к ее скорейшему прекращению.

Для сатириков «Будильника» характерна ярко выраженная антибуржуазная направленность. Они ненавидят русскую либеральную буржуазию, ее краснбайство, демагогию, готовность торговать интересами народа. Постоянная тема их журнала — разоблачение власти капитала, бесчеловечности и хищничества буржуазии. С нескрываемой издевкой пишут они о торгово-промышленном съезде, на котором буржуазия, обсуждая требование рабочих о 8-часовом рабочем дне, пришла к заключению, что этот вопрос можно решить лишь после войны и на международном уровне (№ 14—15). В сатирической заметке «Снарядов!» (№ 17) показано, что капиталисты, наживающиеся на войне, не хотят введения 8-часового рабочего дня и оплаты сверхурочных работ.- Они хорошо слышат «требование» фронта, который «далеко», и глухи к требованиям рабочих, которые «рядом». «Работайте как можно больше, ведь - нужны снаряды!»,— заявляют фабриканты. «Оплачивайте сверхурочную работу,— отвечают рабочие.— Будем работать...» В этом диалоге автор целиком на стороне рабочих. Сатирики клеймят позором всевозможных приспособленцев, дельцов и политиканов, продажных журналистов и литераторов, стремящихся нажиться на народных бедствиях; в буржуазии, ее явных и тайных прислужниках видят они главного врага трудового народа. . С развитием революции и под влиянием большевистской пропаганды «будильниковцы» все больше убеждаются в неразрывной связи внешней и внутренней политики Временного правительства с интересами и вожделениями капитала.

Критикуя Временное правительство, они в то же время продолжают надеяться на приход «новых людей» из рядов подлинной «демократии», на «социалистов» и «революционеров», которые якобы сумеют оказать давление на правительство, «оживить» его и поставить на службу народу.

Ряды российской журналистики резко пополнились за счет изданий социалистических партий, вышедших из подполья – эсеров, социал-демократов (меньшевиков и большевиков) и анархистов. Всего же в течение 1917 года в стране насчитывалось более 4800 периодических изданий. Вся эта многочисленная пресса столиц и российских провинций горячо обсуждала проблемы войны и мира, дальнейшей судьбы революции, демократических перемен в организации управления, наделения крестьян землей, установления восьмичасового рабочего дня и другие.

Для организации работы системы печати нужен был официальный акт. За основу был принят проект закона о печати, выработанный кадетами в 1906 году. Он открывался словами: «Печать свободна. Цензура отменяется отныне и навсегда». Этот проект был обсужден на заседании пятнадцати литературных организаций Москвы. В резолюции говорилось: «... В интересах общего блага, для обеспечения печати возможности должным образом выполнять свое ответственное и важное в свободной стране дело», необходимо, «без всякого промедления издать временный закон...». Проект предлагаемого москвичами закона о печати был опубликован в газете «Русское слово». «Печать свободна. Цензура отменяется отныне и навсегда, - говорилось в нем. – Свобода печати подлежит только тем ограничениям, которые установлены настоящим законом. Издание обязательных постановлений о печати на основании каких-либо исключительных положений воспрещается. Повременные издания не могут быть ни временно приостановлены, ни запрещены навсегда ни в административном, ни в

судебном порядке». 22-24 апреля Всероссийский съезд редакторов ежедневных газет также внес коррективы и утвердил проект закона. «Наказания за нарушение правил о печати, а равно за преступления, совершаемые путем печати, - отмечалось в нем, - налагаются не иначе, как по суду. Никакие меры, направленные к задержанию, аресту и изъятию из обращения произведений печати до судебного о том приговора по существу предъявленного обвинения, не допускаются. Дополнение к личному наказанию, связанные с лишением прав быть редактором или с приостановлением и прекращением издания, не допускаются».

27 апреля новые правила о печати были утверждены. Временное правительство на базе царского управления по делам печати создало Совет российской печати при министре-председателе, на который «возлагалась разработка установлений об отзывах печати и осведомление печати о деятельности правительственных установлений...». Для регистрации изданий была учреждена Книжная палата, а для составления обзоров печати – особое бюро.

В этот период создается ряд журналистских организаций, которые принимают активное участие в выпуске изданий; был проведен Всероссийский съезд редакторов ежедневных газет. Во второй половине 1917 г: в Петрограде была создана школа журнализма, где с лекциями выступали В. М. Дорошевич, А. И. Куприн, А. А. Блок и др. Занятия велись по широкой программе и продолжались в 1918 г. Петроград и Москва жили интенсивной культурной жизнью, чему способствовала печать. Газеты и журналы приглашали к участию литераторов и художников, объединяли их вокруг редакций и издательств.

С первых же дней после февральской революции остро стоял вопрос о власти и доверии Временному правительству. Вся буржуазная печать высказывалась за безусловную поддержку новой власти. Особое рвение проявляли **«Новое время»** и **«Маленькая газета»**, закрытые Советом

рабочих депутатов за монархическое направление, но не выполнившие этого решения. Первый номер «Нового времени» после отречения царя открывался лозунгом: «Да здравствует свободная Россия!» и тут же подчеркивалось, что «новое правительство встретило признание на всем пространстве Русского государства. Оно является законным выразителем общенародной воли». Публицист «Нового времени» В.В.Розанов писал, что самодержавие, как больной зуб, «сам вывалился без помощи щипцов и аптеки». Редакция «Нового времени» уверяла, что ее газета была не монархической, а – «органом национальной мысли». «Русь, ты свободна!» - вторила «Маленькая газета» и обещала: «Теперь будут и хлеб, и свобода, и всякое благополучие».

«Русское слово», не закрывавшееся в дни февральской революции, безусловно поддерживавшее думский комитет, а затем и Временное правительство, вело себя сдержанно. Редактор газеты В.М.Дорошевич наставлял своих сотрудников: «... Сейчас исключительное время фактов и сообщений. Сейчас газета должна быть полна главным образом информацией. Не прозевать распоряжений нового правительства и подробностей событий...». И тут же предостерегал от каких-либо уклонов вправо или влево – сочувствия царской фамилии или оппозиционерам. «Статьи, - подчеркивал Дорошевич, - должны быть главным образом в смысле поддержки думского правительства. Не волноваться и не кланяться в ноги Совету рабочих депутатов. Налево отнюдь не сбиваться... Не повторять ошибок 1905 г., чтобы революционное вино не бросилось в голову... Нам нельзя становиться на дорогу «товарищей» ни в тоне, ни в содержании а исключительно только считаться с комитетом Государственной думы».

В конце марта в редакции «Русского слова» был создан особый комитет, на который возлагалось руководство газетой. Были разработаны программы, устав, инструкции, регулирующие деятельность редакции. Объявив свою газету беспартийным органом и претендуя на «право свободного политического отношения со всеми социалистическими партиями», авторы

программы вместе с тем заявили, что будут защищать частную собственность, «которую считают исторической необходимостью». Сотрудникам газеты запрещалось выступать в других изданиях, если их публикации шли вразрез с позициями «Русского слова». Члены редакции могли состоять «в любой партии, но идущей в русле направления газеты и только в таком плане могут выступать на страницах газеты». Именно за счет взвешенной информационной политики тираж «Русского слова» достиг рекордного для России показателя – 1 млн. 200 тыс. экз.

Восторг и многословие отличали другие московские газеты. Бульварный «Петроградский листок» призывал: «Будем едины! Забудем наши личные и партийные разногласия – разобраться в них еще будет время, - сейчас же сплотимся все от мала до велика, всем народом, около них, около пославшей их Государственной думы, этого единственного форта, устоявшего против бесчисленных десятилетних натисков правительственной реакции, этой колыбели нашей свободы».

Одним из центральных вопросов момента был вопрос об отношении к продолжавшейся войне. Революционные интернационалисты вели пропаганду под лозунгами: «Мира!», «Хлеба!», «Землю – крестьянам!», «8-часовой рабочий день – рабочим!» и др. Печать, поддерживающая Временное правительство, утверждала, что для сохранения достигнутой победы, свободы от монархии нужна победа в войне. Газета призывали отдать все возможное фронту. Правительство объявило о продаже облигаций «займа свободы».

Но усталость от войны чувствовалась во всем. Поэтому, когда Временное правительство нотой своего министра иностранных дел П.Н.Милюкова в конце апреля заявило, что оно остается верным царским договорам ведения войны вместе с союзниками до победного конца, это вызвало бурю протеста во всех слоях населения и массовые демонстрации в столицах. Временному правительству пришлось отправить в отставку двух своих министров – П.Н.Милюкова и А.И.Гучкова, заменив их представителями демократии –

меньшевиками. Близкая к кадетам «независимая» **«Русская воля»** тогда писала: «Назревший кризис между демократией и Временным правительством благополучно разрешен». Газета заявляла, что Временное правительство «должно быть по существу властью твердой, выразителем власти всей революционной России», и звала крепить власть, установить строгую дисциплину, а кто сеет смуту, тот враг народа. Лозунг: «Да здравствует республика!», которым с первых дней революции открывался каждый номер, после правительственного кризиса был заменен новым: «В единении власти – спасение родины!» Речь шла о единении Временного правительства и Совета народных и солдатских депутатов, перешедшего в руки меньшевиков. **«Известия Совета»**, оповещая читателей о таком единении, выражало опасения: «не отторгнуть бы тех, кто идет за Временным правительством». Но отторглись только большевики, вышедшие из состава коалиционной редакции **«Известий Совета»**. Таким образом, первый кризис Временного правительства разрешился в его пользу. Печать еще громче звала на войну до победы. **«Русская воля»** на полстраницы помещала плакат с призывом: «Лучшая оборона – в наступлении. Для наступления нужны снаряды, а для снарядов – деньги. Ты должен их дать подпиской на **«Заем Свободы!»**».

ПАРТИЙНАЯ ПРЕССА В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

Призрачность «гражданского мира». Кадеты лавируют.

«Прогрессисты» зовут диктатуру. «Единство» рушит единство меньшевиков. Эсеры и правящая коалиция.

Со страниц газет снова звучали призывы к единению всех политических сил. Однако партийного единения не было. Каждая партия через свои печатные органы пыталась по-своему воздействовать на массы, перетянуть их на свою сторону. Ведущее место в этой партийной борьбе занимали

конституционные демократы, имевшие большинство министерских портфелей в первом Временном правительстве и большое влияние на комитет журналистов с его «Известиями». Под влиянием кадетов находился и **Союз русских писателей**, вновь созданный 9 марта на собрании представителей литературного фонда и всероссийского общества ежемесячных журналов и ежедневных газет. «Долгие годы, - писал В.Г. Короленко в «Вестнике Временного правительства», - признаком русской литературы была великая печаль ее, пусть сменит теперь великая радость» [11 марта]. И там же в статье «Отечество в опасности» призывал: «Забудем распри, отложим споры о будущем» [14 марта]. Группа писателей издательства «Освобожденная Россия», по примеру кадетского бюро прогрессивной печати (1906 г.), «в сознании великой ответственности, налагаемой на русскую прессу переживаемыми событиями, и в целях правильного и точного освещения происходящих великих перемен» образовала при временном комитете Государственной думы бюро осведомления провинциальной прессы и снабжения ее литературным материалом «по наиболее острым и крупным вопросам текущей жизни». Содержание такого осведомления вытекало из поставленных этой группой задач: «поддерживать новое правительство во всех его шагах, клонящихся к укреплению нового строя» [Там же. 21 марта].

Центральный комитет конституционно-демократической партии уже 2 марта выступил с воззванием: «Граждане, доверьтесь новой власти... Да будут забыты в стране все различия партий, классов, сословий и национальностей... Сейчас главный лозунг - организация и единство... для победы над врагом внешним». П.Б. Струве в статье «Освобожденная Россия», буквально вставленной в февральский номер журнала «**Русская мысль**», писал: «Завершилось дело политического освобождения нашей Родины... Все личное, все партийное смолкнет перед подавляющей величием событий... Слезы волнения и восторга, тревоги и умиления душат... Теперь все мысли сосредоточим только на этом (сокрушении внешнего врага) ... В глубоком

внутреннем единении и сохранении полного порядка в тылу и на фронте – наше единственное спасение.

Накануне открытия VII съезда партии народной свободы газета **«Речь»** писала в передовой статье: «Важнейшая для партии задача – найти и осуществить способы широкой и деятельной пропаганды, идущей в самую глубь широких масс и освещающей всесторонне ближайшие проблемы нашей жизни. Здесь, быть может, она встретится с наибольшими трудностями и ей придется выдержать наиболее упорную борьбу». По решению съезда кадеты восстановили свой внутривнутрипартийный орган – **«Вестник партии народной свободы»**, который «должен служить одной из связей центрального комитета с партийными организациями на местах», служить укреплению дисциплины членов партии, которая только одна могла «создать настоящую рать борцов за общие политические идеалы...».

Большим вниманием пользовались и другие кадетские издания: в Петрограде – **«Современное слово»**, в Москве – **«Русские ведомости»**.

Московские **прогрессисты** во главе с П.П. Рябушинским февральскую революцию встретили также восторженно, признав Временное правительство единственным законным органом власти. Чтобы снять проблему двоевластия **«Утро России»** призывало к созданию коалиционного правительства с участием «руководящих элементов нашей демократии». Свое участие в кабинете министров прогрессисты оговаривали жесткими условиями, которые были опубликованы в газете **«Утро России»**: «Всякие Советы и комитеты должны перестать протягивать руки к власти. Они обязуются беспрекословно выполнять предписания правительства и тем способствовать спасению России. Правительство должно быть облачено безграничными полномочиями, бесконтрольной властью. Бояться слова «диктатура» нечего...» [1917. 15 июля]. Сама партия прогрессистов вскоре распалась: часть во главе с

Коноваловым перешла к кадетам, другие образовали радикально-демократическую партию.

Таким образом, все буржуазные газеты поддерживали Временное правительство и занимали ведущие позиции в пропаганде его деятельности. Они численно значительно превосходили издания социалистов. Например, в Петрограде в марте 1917 года выходило более 50 газет, из которых 35 являлись буржуазными и 11 – эсеро-меньшевистскими. У большевиков в Петрограде была одна газета – **«Правда»** (восстановленная 5 марта 1917 г.) с тиражом 60-100 тыс. экземпляров, в Москве выходил **«Социал-демократ»**. Позднее появились большевистские газеты в других городах.

Центральным органом **меньшевиков** была **«Рабочая газета»**. В Москве выходила меньшевистская газета **«Вперед»**. «Рабочая газета» призывала: «Пока войне не положен конец усилиями международного пролетариата, вся революционная демократия обязана всемерно содействовать укреплению боеспособности армии для всесторонней защиты страны от угрожающих ей опасностей» [10 мая]. Заграничный организационный комитет меньшевиков («окисты»), в свою очередь, через «Партийные известия» призывал «всемерно поддерживать революционную армию, перешедшую в наступление» и Временное правительство, т.к. в нем «представлены лучшие силы партии народной свободы» [№ 1].

На базе плехановской газеты **«Единство»** в марте организационно оформилась политическая группа с одноименным названием, в которую помимо Г.В. Плеханова вошли А.Ф. Бурьянов, И.И. Иорданский и др. Группа продолжала выпуск «Единства», а затем – **«Нашего единства»**. Публицисты газеты поддерживали Временное правительство, стояли за войну до победного конца, отрицали возможность победы социалистической революции в России, боролись против большевистских идей.

Сторонники Мартова (меньшевики-интернационалисты) сгруппировались вокруг изданий М.Горького журнала «Летопись» и открытой писателем газеты «Новая жизнь». Эту левоменьшевистскую группировку так и называли - «новожизненцы». Они выступали против организационного единства с меньшевиками-оборонцами, не входили в партию меньшевиков, называя себя «внефракционными социал-демократами». В эту группу входили: В. Базаров (Руднев), Б. Авилов, В. Волгин, В. Строев (Десницкий), С. Вольский и др.

Эсеры в 1917 г. неожиданно стали самой крупной политической партией России. Еще в январе 1916 г. Петроградский комитет партии эсеров выработал и опубликовал тезисы, в которых заявлялось, что главной задачей дня является «организация трудящихся классов для революционного переворота», поскольку «только при захвате ими власти ликвидация войны и всех ее последствий будет проведена в интересах трудовой демократии». В период войны почти полностью разрушились организационные структуры партии эсеров. Констатируя этот факт, департамент полиции резюмировал в конце 1916 года, что Партии социалистов- революционеров как таковой не существует. Однако ее идеи о демократизации власти и земельной собственности сохраняли популярность.

Февральская революция коренным образом изменила положение партии в обществе и условия ее деятельности. Партия эсеров стала влиятельной, массовой, одной из правящих партий в стране. Уже 2 марта 1917 г. состоялась конференция эсеров в Петрограде, на которой избран городской комитет, исполнявший до III съезда партии и функции ЦК. Летом 1917 г. в партии уже было около 1 млн. человек, объединявшихся в 436 организациях (312 комитетов и 124 группы).

Внутренняя история партии эсеров в 1917 г. представляет собой историю борьбы и компромиссов между постепенно сложившимися в

ней тремя течениями: правым, центристским и левым, каждое из которых имело внутри себя немало различных оттенков. Официальный курс партии определялся в конечном счете центристами, позицию которых выражали прежде всего Чернов и секретарь ЦК Зензинов. Если Чернов, при всей его гибкости, при его искусстве находить равнодействующую между противостоящими мнениями, оказывался нередко на позициях левого центра, то такие влиятельные члены ЦК, как А.Р. Гоц, председатель эсеровской фракции в Петроградском совете и товарищ председателя ВЦИК, и Авксеньтьев, бывший в 1917 г. председателем ВЦИК Советов крестьянских депутатов, министром внутренних дел во II коалиционном Временном правительстве и председателем Временного совета Российской республики (Предпарламента), были правоцентристами. У истоков правого течения стояли Аргунов, А.И. Гуковский и П.А. Сорокин, издававшие газету **«Воля народа»**. В числе лидеров правых эсеров были Брешко-Брешковская, Керенский, Савинков. Левое крыло партии возглавляли Б.Д. Камков, М.А. Спиридонова и др. Их печатными органами были газеты **«Земля и воля»** и **«Знамя труда»**

Разногласия в партии по всем важнейшим вопросам и, прежде всего по вопросу о власти, об отношении к Временному правительству и Советам выявились, сразу же, как только эти вопросы возникли. Они обуславливали колебания, непоследовательность эсеровского руководства, стремившегося сохранить формальное единство партии. Один из лидеров левых эсеров П.А. Александрович с первых дней образования Временного правительства призывал рабочих и солдат не оказывать доверия этому правительству, а брать власть в свои руки. В то же время Зинзинов, тогда единственный из членов ЦК бывший в Петрограде, и возглавивший Петроградский комитет, одобрил вступление Керенского во Временное правительство. В поддержку Керенского и

Временного правительства высказалась I петроградская эсеровская конференция, состоявшаяся 2 марта 1917 г. Спустя месяц II петроградская конференция отнеслась отрицательно к вопросу о коалиции и тем самым фактически дезавуировала решения I конференции. Но уже под влиянием Апрельского кризиса совершается очередной зигзаг. Эсеровское руководство солидаризируется с решением Петроградского совета о полезности и необходимости вступления социалистов во Временное правительство.

III съезд партии (25 мая - 4-июня 1917 г.) категорически высказался против любых авантюристических попыток захвата власти в центре и на местах и за поддержку коалиционного Временного правительства. Резолюция съезда оптимистически заявляла, что, следуя политике коалиции, партия «совместит двуединую задачу: участие в строительстве настоящего и подготовке грядущего своего торжества в Учредительном собрании, завершая одновременно великую международную задачу русской революции - ускорение ликвидации войны».

Представители партии эсеров участвовали в трех коалиционных правительствах; в 1-м: Керенский - военный и морской министр, и Чернов - министр земледелия; во 2-м: Керенский - министр-председатель, Чернов - министр земледелия и Авксеньев - министр внутренних дел; и в 3-м: Керенский - министр-председатель и С.Л. Маслов - министр земледелия.

Вместе с тем эсеры не игнорировали и органы другой власти - Советы. Однако Советы они рассматривали лишь как орудие, которое дала история «для продолжения переворота и закрепления основных свобод и демократических принципов. Советы, по их мнению, должны были организовывать массы, осуществлять над ними идейно-политическое руководство, быть «часовыми» революционных завоеваний народа». При Временном правительстве их функции должны были

заключаться и в том, чтобы контролировать это правительство, толкать его дальше по пути реформ. Существование Советов признавалось полезным и необходимым при работе Учредительного собрания, так как будучи мощными народными организациями, они обеспечивали бы проведение в жизнь решений Учредительного собрания, являлись бы надежной гарантией их осуществления демократическим путем и с соблюдением социальной справедливости. Вместе с тем подчеркивалось, что в демократической республике, санкционированной Учредительным собранием, Советы останутся лишь классовой общественной организацией трудящихся масс, не войдут одним из элементов в государственную организацию демократической республики. Эсеры считали, что в качестве института власти Советы «совершенно не приспособлены к будничной работе». В случае, если Советам навяжут несвойственные им функции государственного управления, то вместо реальной работы, они будут принимать митинговые резолюции и «совать нос не в свое дело». На таких рассуждениях базировалось упорное неприятие эсерами большевистского лозунга «Вся власть Советам!»

По мнению эсеров, реальной властью на местах должны были стать органы местного самоуправления: городские думы, губернские, уездные и волостные земства, избранные на демократической основе. Свою главную политическую задачу эсеры видели в том, чтобы завоевать сначала большинство в этих органах, а затем, опираясь на них, и в Учредительное Собрание. В целом эта задача эсерами решалась успешно. Они явно преобладали на состоявшихся в августе 1917 г. выборах в городские думы. Выборы прибавили оптимизма эсерам в отношении успешности для них выборов в Учредительное собрание и стали серьезным предупреждением для их политического противника - большевиков, укрепив их в мысли, что без вооруженной борьбы властью они не овладеют. Эсеры понимали, что судьба революции в России во многом зависит от решения

вопроса о войне и мире. В резолюции «Об отношении к войне», принятой III съездом, основополагающим был лозунг «демократический мир всему миру».

Эсеровский центр по вопросу о войне и мире находился под постоянной критикой справа и слева. Левые эсеры упрекали его в оборонческой фразеологии, правые же требовали большей активности в деле продолжения войны, призывали «порвать» с пораженчеством и большевизмом». Камнем преткновения для партии эсеров оказался аграрный вопрос. III съезд партии эсеров подтвердил верность партии требованию социализации земли и подчеркнул, что закон о земельной реформе может принять только Учредительное собрание. В отличие от большевиков, эсеры хорошо понимали, что одним декретом столь сложный вопрос решить невозможно, что нужна большая подготовительная работа, и она ими была в значительной мере проделана.

На VII Совете партии (август 1917 г.) отвергнуто было как авантюристическое предложение Спиридоновой установить в стране единовластие партии эсеров, как самой многочисленной и влиятельной партии. Разногласия в партии усиливались по мере обострения политической обстановки в стране. Все попытки сохранить целостность партии оказывались безуспешными. 16 сентября правые эсеры заявили о создании «Организационного совета Петроградской группы Партии социалистов-революционеров» и о намерении созвать свой особый съезд, а также выступить на выборах в Учредительное собрание с отдельным от ЦК списком. Обособлялись и левые эсеры. Они вышли из состава общей эсеровской фракции на Демократическом совещании, образовали свою особую фракцию в избранном совещанием Временном совете Российской республики (Предпарламенте). Усиливался разброд и в ЦК. Такие влиятельные его члены, как Авксентьев и Гоц настаивали на продолжении коалиции с кадетами и тем самым с правоцентристской позиции открыто перешли на позицию правых эсеров. Чернов же сдвинулся на

левоцентристскую позицию. В состоянии разброда оказались не только эсеровская верхушка, но и местные партийные организации. Это обрекло партию, несмотря на ее большую численность и влияние, на политическое бессилие перед большевиками.

В период между Февральской и Октябрьской революциями эсеры более активно, чем другие партии, вели свою пропаганду через многочисленные печатные органы. С 15 марта они выпускали ежедневно общепартийную газету **«Дело народа»**, которая распространялась тиражом до 300 тыс. экземпляров. 29 марта вышел орган правого крыла партии – **«Воля народа»**. Позицию последней поддерживали **«Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов»**. В Петрограде также выходили эсеровские газеты **«Свободная Россия»** и **«Самоуправление»**, а в Москве – **«Труд»**, **«Земля и воля»**, **«Народное слово»**, **«Власть труда»**, **«Социал-революционер»**. Среди московских изданий выделялась ежедневная газета **«Солдат-гражданин»**, выпускавшаяся эсеро-меньшевистским Советом солдатских депутатов. Всего же в 1917 г. издавалось более сотни различных партийных периодических органов. Эсеровские издательства **«Земля и Воля»**, **«Революционная мысль»** и др. огромными тиражами выпускали литературу, популяризирующую программу партии.

Активную издательскую деятельность вели и другие социалистические партии: трудовики, народные социалисты (энэсы), максималисты, анархисты. Например, анархисты в период от февральской до октябрьской революции выпускали более 20 своих изданий по всей России. Среди них: **«Анархия»** - орган московской федерации анархистских групп, **«Голос труда»** - орган анархистов-синдикалистов, **«Вольный Кронштадт»**, **«Буревестник»**, **«Голос анархии»**, **«Вольный труд»**, **«Черное знамя»**, **«Безвластие»**, **«Безначалие»** и др.

Меньшевики и эсеры, представители которых вошли в состав коалиционного кабинета министров, заняли политику «давления» на Временное правительство, имея ввиду его поддержку и оставляя за собой право на его критику.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА И ЕЕ КРИТИКИ

«Правда» за власть Советов. Никакой поддержки министрам-капиталистам! Плеханов и апрельский «бред» Ленина. Июльская провокация большевиков. Разгром «Правды». Введение цензуры. Октябрьский переворот и его последствия.

Большевики выступали за продолжение революции, ее перерастание в социалистическую. Но на первых порах их отношение, выраженное в «Правде», было половинчатым: с одной стороны – Временное правительство как власть, установленную в результате демократической революции, надо поддерживать, с другой, эта власть не отвечает чаяниям рабочего класса и с ней надо бороться. С приездом Ленина в Россию отношение большевиков определялось лозунгами: «Долой Временное правительство!», «Никакой поддержки министрам-капиталистам!», «Вся власть Советам!». Эти лозунги Ленин затем развил в своих знаменитых «Апрельских тезисах». Антивоенная, пораженческая пропаганда большевиков в «Правде» и «Социал-демократе» действовала разлагающе на солдатские и рабочие массы. М.С Ольминский на страницах «Социал-демократа» в статье «Хищники» писал, что война нужна в первую очередь буржуазии. 53 русских акционерных коммерческих банка за 10 месяцев 1916 г., подчеркивал он, получили 190 млн. рублей прибыли. «Вот кому нужна война! Вот одна из причин современной дороговизны», - отмечал большевистский публицист. Действия Временного правительства он оценивал, как политику не только захвата чужих земель, но и «запугивания своих

народов», политику «борьбы против революции». Опровергая распространяемые буржуазными газетами утверждения о том, что рабочие, требуя 8-часового рабочего дня, хотят легкой жизни и т.д., «Правда» организовала встречи фронтовиков на фабриках и заводах, доказывая обратное.

Издателям большевистских газет приходилось преодолевать большие материальные затруднения, сопротивление противостоящих им сил при распространении своих газет. Газета московских большевиков «Социал-демократ», начавшая выходить с 7 марта, уже в апреле испытывала недостаток бумаги и обращалась поэтому поводу к своим сторонникам: «Необходимо настоять перед Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, чтобы бумага распределялась равномерно между всеми газетами, так, как только тогда будет осуществлена свобода печати». В редакционной статье «Цензура в «свободной» России» сообщалось, что «газета революционных социал-демократов преследуется и часто изымается из обращения».

Лозунги большевиков приобретали все большее признание в массах и становились руководством к их действиям. Им противостояла колоссальная мощь огромного числа печатных органов от «Вестника Временного правительства» до изданий меньшевиков и плехановцев. «Русское слово» в заметке под рубрикой «Печать» писало о «Социал-демократе»: «Лозунги этой газеты так беззастенчивы, а политическая безграмотность настолько очевидна...» [14 марта]. «Теперь каждый ответственен за всякое слово, за всякое действие, за газетную статью, за митинговую или кулуарную речь. Все переходит в дело...», - писал И. Жилкин, обозреватель «Русского слова», в статье «Большевики» [30 марта]. «Не станем на скользкий путь перебранки, — призывал он в статье «Печатное слово». — Великое, громадное, завидное и ответственное дело берет на себя левая рабочая и крестьянская печать... Ее будут ранее всего слушать доверчивые уши. На нее ложится серьезнейший долг воспитывать массу населения, начиная с первых шагов

гражданственности... Можно ли бросать в раскрытое народное сердце неосторожное слово неправды и неблагодарности?» [14 апр.]. «Громче всех кричащие большевики кажутся главными, - продолжал обозреватель. - Еще вчера левой рабочей печати в России не существовало. Напряженные годы борьбы за свой народ выносила исключительно на себе либеральная, демократическая печать. И вот ныне с первых же своих шагов левая печать учит доверчивых рабочих, крестьян и солдатскую массу черной неблагодарности, обзывая все либерально-демократические газеты «буржуазными» и даже «погромными».

Кадетская «Речь» отмечала: «Характер и смысл большевистской пропаганды все определенной выясняется. Даже и социал-демократическая печать все суровее начинает относиться к этой проповеди анархии и гражданской войны» [21 апр.]. Как только не изображали большевиков и их вождя В. И. Ленина, какими только эпитетами не награждали - фанатики, утописты, бандиты и т. д. Бредом назвал Г. В. Плеханов «Апрельские тезисы» В. И. Ленина. «Клеветничество и демагогия - обычное оружие «Правды». Иначе она писать не может», - писал центральный орган меньшевиков «Рабочая газета». «Ленин, - утверждала она, — становится опасным анархистом» ... Советы «не выдерживают ни малейшей критики, как настоящие учреждения». Сатирические журналы оставили свои издевательские публикации над царем и его семьей, министрами, Г. Распутиным и всю свою критическую изобретательность опрокинули на «Правду» и большевиков. В. И. Ленина называли немецким шпионом. В фельетоне «**Нового Сатирикона**», опубликованном в июне 1917 г., Аверченко писал: «Мы, сатириконцы, заслужили право говорить с любым правительством резким прямым языком, заслужили тем, что до революции с заткнутым ртом и связанными руками все-таки кричали девять лет о русских безобразиях и не боялись ни конфискации, ни арестов, ни лишения нас свободы. Так неужели мы теперь побоимся исполнить свой гражданский долг и бросить в лицо

Временному правительству и Исполнительному Комитету С.Р. и С. Депутатов простые человеческие слова?

Стыдитесь! Вам народ вручил власть — но во что вы ее превратили! Всякий хам, всякий мерзавец топчет ногами русское достоинство и русскую честь — что вы делаете для того, чтобы прекратить это?! Вы боитесь, как черт ладана, насилия над врагами порядка, над чертовой анархией, так знайте, что эта анархия не боится насилия над вами, и она сама пожрет вас».

О «Правде» писали, что она финансируется на германские деньги, хотя на ее страницах постоянно печатались отчеты о собранных среди рабочих и солдат пожертвованиях. Как было подсчитано по таким опубликованным и сохранившимся в архивах отчетам, лишь за март - июнь 1917 г. на «Правду» поступило 445750 рублей в то время как на центральный орган эсеров «Дело народа» - 191500, а на меньшевистскую «Рабочую газету» — 48500.

После демонстрациях рабочих, солдат и матросов, организованной большевиками в начале июля 1917 г. в Петрограде, где прозвучали требования прекращения войны, отстранения буржуазного правительства и передачи власти Советам, Временное правительство перешло к открытому подавлению сопротивления его политике. Одновременно оно пошло на новые организационные изменения в своем составе - из него было выведено несколько министров-кадетов, на их место пришли представители меньшевиков и эсеров, пост же министра-председателя занял А. Ф. Керенский, получивший к тому еще и пост военного и морского министра. В составе Временного правительства теперь уже стало семь социалистов, но политика его стала еще более жесткой, чем прежде.

7 июля в «Вестнике Временного правительства» было опубликовано постановление, в котором указывалось, что за призывы к неисполнению распоряжений властей виновные будут наказываться заключением в крепости на срок до трех лет или заключением в тюрьму. Виновные же за призывы к неподчинению военной власти, обращенные к офицерам, солдатам и другим

воинским лицам, должны наказываться «как за государственную измену», то есть - к расстрелу.

В печати против большевиков развернулась еще более энергичная кампания. В. И. Ленину пришлось уйти в подполье, ряд большевиков был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. «Рабочая газета» меньшевиков, выступающих против войны окрестила преступной бандой, «которая прикрывается «Правдой» и «Солдатской правдой», которые тоже изо дня в день натравливают солдат против Временного правительства, против социалистических партий, против всех верных органов демократии». И призывала: «Этому должен быть положен конец». Чаще всего большевиков критиковали за недостойные методы ведения пропаганды именно поэтому разгром редакции «Правды» в июле 1917 г. не квалифицируется большинством газет как нарушение закона о печати. Большевистскую печать обвинили в подстрекательстве и поэтому не поддержали в той ситуации. Например, в заметка «Заговор большевиков» в газете «Русские ведомости» говорилось: «Петроградская печать, без различия своей партийной принадлежности, в ряде статей дает негодующую отповедь по поводу событий, готовившихся 10 июня. Зарвавшимися безответственными людьми готовилась не простая политическая авантюра, а настоящее «восстание», существовал политический «заговор» [15 июня].

Но рабочие и солдаты читали газеты большевиков. Как доносили по начальству: «... Последнее время полк читает исключительно газету «Правду», читать другие газеты не желает». И из другого полка: «...Солдаты требуют, чтобы офицеры читали им только газеты «Окопная правда», «Солдатская правда» и другие того же направления, все прочие газеты солдаты называют буржуазными и требуют не читать».

Поэтому среди других последовали самые крутые меры и в области печати. Рано утром 5 июля отряд офицеров, юнкеров и казаков разгромил редакцию и контору «Правды». На следующий день подобная участь постигла большевистскую типографию «Труд» и редакцию «Солдатской правды». Затем - с 13 по 16 июля - были

закрываются большевистские газеты «Голос правды», «Утро правды» (Кронштадт), «Волна» (Гелисингфорс), «Кийр» (Ревель), «Прикубанская правда» (Екатеринодар) и несколько позже - «Борьба» (Царицын) и «Воронежский рабочий». По приказу А. Ф. Керенского были запрещены «Окопная правда» и «Цдня» (Рига). Редакции запрещенных газет подвергались разгрому, а их сотрудники - аресту. Командующим фронтов и армий А. Ф. Керенский направил телеграфное распоряжение не допускать распространения среди солдат большевистских газет, а при обнаружении их немедленно конфисковывать и сжигать, «виновных» строжайше наказывать. Почта не принимала такие газеты. Комиссары Временного правительства требовали распоряжений о запрещении местных большевистских изданий в тылу и на фронте. Владельцы типографий отказывали большевикам в печатании их изданий. Усилила свою бдительность и цензура.

Мирное и демократическое развитие страны прекратилось. Иным стало и положение печати.

С 14 июля в стране была официально введена предварительная военная цензура. Виновный за непредставление в военную цензуру подготовленных к печати материалов, касающихся военных вопросов, привлекался к ответственности: заключению в тюрьме до 1 года и 4-х месяцев или штрафу до 10000 рублей. В августе Временным правительством были рассмотрены законы против «резкостей» печати по отношению к военным союзникам и военной цензуре. 22 августа «Вестник Временного правительства» сообщил, что «во изменение и дополнение утвержденного 20 июля 1914 г. [т. е, еще до Февральской революции] положения о военной цензуре» 26 июля были подписаны новые правила «О специальной военной цензуре». Ответственность за нарушение этих правил, по сравнению с прежними, становилась более суровой. Если тогда за выступления с призывами к прекращению войны могло последовать тюремное заключение от двух до восьми месяцев и за непредставление цензуре в указанные сроки установленного числа экземпляров издания - штраф от 50 до 500 рублей, то теперь за выпуск в свет издания без предъявления его в военную цензуру или предъявленного, но еще не

рассмотренного «буде оно не подлежит за напечатание более тяжкому наказанию, подвергается заключению в тюрьму на время от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев или аресту (издания) на время от трех недель до трех месяцев или денежному взысканию от трехсот рублей до десяти тысяч рублей».

На следующий же день после опубликования этих новых правил распоряжением А. Ф. Керенского был запрещен центральный орган большевиков «Пролетарий», вышедший вместо запрещенной «Правды», и газеты «Живое слово» и «Русь», в которых также было усмотрено «контрреволюционное содержание». 24 августа матрицы в типографии «Пролетария» были разбиты, а отпечатанные номера его конфискованы. По приказу А. Ф. Керенского в конце августа был запрещен и ряд других газет.

Действия и приказы А. Ф. Керенского дополнялись приказами воинских командиров и местных комиссаров Временного правительства. В сентябре командующий войсками Петроградского военного округа в связи с выступлениями газет «Новая жизнь» и «Рабочий путь» против союзников в своем послании на имя министра внутренних дел просил предупредить редакторов или подчинить эти газеты предварительной цензуре. Его отношение было направлено министром внутренних дел министру юстиции с рекомендацией срочно возбудить преследование этих газет.

Верные же правительству издания из всех сил призывали: «Время «образования комиссий» прошло! Когда веревка накинута на шею - поздно рассуждать о материале, из которого веревка сделана! Действуйте! Действуйте!» Правительство же действовало и без понуканий, но, как после признавался Н. П. Милюков «Коренные проблемы революции остались нерешенными, хотя и были поставлены теперь во весь рост. Фатально корабль несло течением к крутому обрыву». В обстановке тревоги, вызванной попыткой генерала Л. Г. Корнилова и А. Ф. Керенского окончательно подавить зреющую новую революцию и установить военную диктатуру, стали оживлять свою деятельность Советы и профессиональные организации. Большевики тогда приняли решение о подготовке вооруженного восстания и снова выдвинули снятый было лозунг «Вся

власть Советам!» Так как не только о самом решении большевиков, но и о сроках, определенных для восстания, стало известно, это вызвало многие категорические протесты, а со стороны правительства - ответные меры, в центре которых оказалась прежде всего не поддерживающая его печать. В течение 3-4 месяцев (после июльских демонстраций и расстрела их Временным правительством) по самым скромным подсчетам было закрыто 14 и приостановлено 5 газет, опечатано и разгромлено несколько типографий. «Правду» закрывали 5 раз. Газеты запрещались и местными органами власти.

В статье «Нельзя молчать!», напечатанной в газете «Новая жизнь» 18 октября - накануне восстания, М. Горький писал, что, если оно действительно произойдет, «на улицу выползет неорганизованная толпа, плохо понимающая, чего она хочет, и прикрываясь ею, авантюристы, воры, профессиональные убийцы начнут творить историю русской революции». Другие писали о решении большевиков как о готовящемся заговоре. А. Ф. Керенский же предпринимал свои меры - накануне предстоящего восстания он направил верный Временному правительству отряд юнкеров и офицеров для разгрома редакции ЦО большевиков, выходившего тогда под названием «Рабочий путь». Но большевики ее отстояли, и газета вышла с призывами к взятию власти.

Меньшевики-оборонцы в воззвании, опубликованном в «Единстве», объявили, что призывы к восстанию исходят от «царских слуг и шпионов Вильгельма» [22 окт.], а меньшевистская фракция Петросовета назвала восстание «преступной авантюрой». Меньшевики-интернационалисты предрекали в «Искре», что, если рабочие и возьмут власть, то не смогут ее удержать. Лидер меньшевиков Л.Мартов 26 октября заявил в «Рабочей газете»: «...Несомненно среди членов ЦИК (Центральный исполнительный комитет -Е.А.) нет ни одного, который бы отрицал право пролетариата на восстание. Но в настоящий момент условия этому не благоприятствуют. И хотя меньшевики-интернационалисты не противятся переходу власти в руки демократии, они высказываются решительно против методов, которыми большевики стремятся к власти». 28 октября

Центральный комитет меньшевиков принял резолюцию, в которой говорилось: «Впредь до полной ликвидации большевистской авантюры всякое соглашение с партией большевиков относительно совместной с ними организации власти совершенно не допустимо». Большевикам предлагалось немедленно отказаться от власти и передать ее Комитету спасения революции, «который должен оставаться на страже вплоть до созыва Учредительного собрания».

Власть Временного правительства пала. Это признали впоследствии и враги большевиков. Лидер кадетов П. Н. Милюков писал, уже находясь за границей: «Партии, говорившие от имени народа, потерпели поражение в октябре 1917г., тогда как сам народ пошел за Лениным». И лидер меньшевиков Л. Мартов писал: «Надо признать, что мы солидной силы собой не представляем... Массы не склонны нас поддерживать и предпочитают от оборонцев переходить прямо к антиподу - к большевикам». А когда Октябрьская революция уже совершилась, он делал вывод, что уже со второй половины 1917 г. «начался процесс катастрофического ухода масс к Ленину. Один за другим Советы стали переходить к большевикам, без всяких перевыборов... полки, дивизии и корпуса стали, помимо комитетов, посылать в Питер делегации все более многочисленные и шумные, с требованиями немедленного мира; чем далее, тем все чаще, рядом стояло требование передачи власти Советам... Все петербургские и ближние войска активно поддерживали большевиков. За Керенского никого не осталось».

Эсеры назвали октябрьский переворот «преступлением перед родиной и революцией». Этот переворот имел для эсеров драматические последствия. Изменилось положение партии, из правящей она вновь стала оппозиционной. Партия окончательно раскололась. Левые эсеры поддержали большевиков и вскоре создали свою Партию левых социалистов-революционеров (интернационалистов). Необходимость борьбы с большевиками примирила на время правых эсеров и центр, которые пытались свергнуть большевиков и вооруженным путем и мирным

путем - изоляцией большевиков от масс с помощью отзыва своих депутатов из тех Советов, власть в которых захватили большевики.

Октябрьский переворот опрокинул все надежды и союза капиталистов взять власть в свои руки. Возникший в февральские дни орган политического отдела Всероссийского союза торговли и промышленности — еженедельный журнал **«Народоправство»** устами Н. А. Бердяева выразил отношение капитала к октябрьским событиям: «То, что у нас называется «революцией», есть сплошная дезорганизация и разложение, смерть государства, нации, культуры...» [№ 15.].

В февральские дни 1917 г. **«Русские ведомости»** открыто поддерживали Временное правительство, а в октябрьские — также открыто и яростно выступали против диктатуры пролетариата. «Первая» революция у нас сменилась «второй» с провозглашением диктатуры пролетариата, сделавшую нашу жизнь предметом ужаса для всех, в ком сохранилась капля государственного смысла», — писала газета. Ленинское правление она называла «эпопеей, сотканной во внешней политике из лжи, а во внутренней — из истинного безумства» [1917. 21 нояб.]. В этом же номере на первой полосе крупным кеглем набран призыв: «Голосуйте за список № 1 партии к.-д.!» Редакция вместе со своими читателями еще надеялась, что Учредительное собрание может предотвратить надвигающуюся катастрофу», несомую большевиками. Газета призывала: «В какой бы ненормальной обстановке не происходили выборы, как бы дерзко и нагло ни обращались с волей народа новейшие самодержцы, все-таки в Учредительном Собрании будут услышаны голоса тех, кто действительно любит Россию и полон желаний ее спасти. Чем больше будет этих лучших сынов Родины, тем больше возможности, что нынешняя катастрофа будет прекращена».

Но эти надежды редакции рухнули вместе с разгоном Учредительного собрания и убийством его членов — лидеров Партии народной свободы М. Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева. Их товарищ по партии А. А. Кизеветтер

написал одну из последних своих статей в «Русских ведомостях» — «Москва: Дни позора». В ней, в частности говорилось: «Все ожило сразу — весь старый режим деспотизма: жестокость и предательство, бесстыдство и лицемерие. О горе, горе! Родина унижена, опозорена, разбита, разорена, опустошена... народ омрачен невежеством и бредом бессовестных демагогов. Его ждет тяжелая расплата годами низменного рабства и невиданной нищеты за эти дни предательства родины и анархической разнузданности. Лучшие люди, мозг и совесть страны, обречены на смерть, на изгнание, на пытки бессильного бездействия... и нигде не видно просвета, и неоткуда ждать спасения. О горе, горе!» [1918. 10 янв.]. В марте 1918 г. «Русские ведомости» были закрыты. Та же участь постигла и все другие оппозиционные к большевикам газеты и журналы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В публикациях и выступлениях идеологов и приверженцев крайней консервативной партии довольно много пророчеств, которые понятны в наше время, но не были поняты тогда. Например, В.М. Пуришкевич в 1912 г. предсказал, что через 5 лет грянет революция. Видный деятель черносотенного движения, адвокат и публицист П.Ф. Булацель, обращаясь в 1916 г. к либеральным депутатам Думы, говорил о самоубийственной их политике: "Вы с думской кафедры призываете безнаказанно к революции, но вы не предвидите, что ужасы Французской революции побледнеют перед ужасами той революции, которую вы хотите создать в России. Вы готовите могилу не только "старому режиму", но бессознательно вы готовите могилу себе и миллионам ни в чем не повинных граждан. Вы создадите такие погромы, такие варфоломеевские ночи, от которых содрогнутся даже "одержимые революционной манией" демагоги бунта, социал-демократии и трудовиков!" Один из слушавших его "думских либералов", лидер правых кадетов В.А. Маклаков впоследствии признал: "...в своих предсказаниях правые оказались пророками. Они предрекли, что либералы у власти будут лишь предтечами революции, сдадут ей свои позиции. Это был главный аргумент, почему они так упорно боролись против либерализма".

Февральская и Октябрьская революции показали, что все досужие рассуждения либералов, демократов и социал-демократов о свободе печати кончались, как только они приходили к власти. И первой это ощутила на себе правая печать. Питирим Сорокин, бывший тогда социалистом-революционером и побывавший 27 декабря 1917 г. на заседании образованного литераторами и журналистами официального пресс-комитета революции, с возмущением писал: "Вот они, самозванные цензоры, рвущиеся к власти, чтобы давить все, что, по их мнению, является нежелательным, готовящиеся задушить свободу слова и печати... монархические газеты были

уже запрещены и их типографские мощности конфискованы. Социалисты согласились с этим как с необходимостью. Но увязывается ли такая постановка вопроса со свободой печати, которую они так горячо защищали ранее? - задает вопрос Сорокин и сам на него отвечает: - Как только амбиции радикалов удовлетворены, они, похоже, становятся даже более деспотичными, чем реакционеры".

Для эсера Сорокина запрещение монархических газет было "необходимостью", а для большевика Д.И. Заславского - "явлением в революции естественным и законным". Поэтому, оправдывая закрытие большевиками после октября 1917 г. "контрреволюционных органов", он с полным правом апеллировал к их пониманию «свободы печати» после февраля: "Относительность буржуазной свободы печати сказалась уже в февральские дни казалось бы полного и абсолютного расцвета этой свободы. "Демократия" не интересовалась обиде, нанесенной Дубровину или Меньшикову, и была, конечно, права. Но она весьма непоследовательно вопила об обиде, когда в октябре сама оказалась на положении контрреволюционных органов".

После октябрьской революции 1917 г. и закрытия всех так называемых буржуазных газет и журналов, на освободившемся информационном пространстве бывшей Российской империи искусственно строился совершенно новый тип системы журналистики для «диктатуры пролетариата». Это о ней писал Амфитеатров: «...Цензуры бесчисленно много... Это одна из главных причин, почему я совершенно расстался с публицистикой. Я дал себе честное слово, что ни одной моей строчки не появится в стране, уничтожившей у себя свободу печати». И уже позже, в эмиграции отмечал, что воспитывать в людях «газетную ложь им (большевикам) и легко, и безопасно. Ведь при отсутствии свободной печати их ложь никогда не встретит авторитетного протеста, способного опереть свои опровержения на фактические улики...».

ЛИТЕРАТУРА:

- Андронов С.А. Большевистская печать в трех революциях. М., 1978.
- Ахмадулин Е.В. Правительственная печать России (конец XIX в. – февраль 1917 г.). – Ростов н/Д, 2000.
- Ахмадулин Е.В. Пресса политических партий России: Издания консерваторов. – Ростов н/Д, 2001.
- Ахмадулин Е.В. Пресса политических партий России: Издания либералов. – Ростов н/Д, 2001.
- Бережной А.Ф. К истории отечественной журналистики (конец XIX в. – начало XX в.). – СПб., 1998.
- Бережной А.Ф. История партийно-советской печати. Дооктябрьский период. – М., 1987.
- Бережной А.Ф. Русская легальная печать в годы первой мировой войны. – Л., 1975.
- Заславский Д. Печать в февральские дни //Журналист. 1927. № 2.
- Кузнецов И.В. История отечественной журналистики (1917 – 2000). – М., 2002.
- Минаева О.Д. Февральская революция 1917 года и свобода русской печати. // Неизвестные страницы отечественной журналистики. М., 2006. С. 87 – 105.
- Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики (февр. 1917 – начало XXI века. – М., 2003.
- Периодическая печать в России в 1917 г.: Библиографический указатель. Ч.1-3. –Л., 1987.
- Политические деятели России в 1917 г.: Биографический словарь. – М., 1993.

Русская литература и журналистика начала XX века. 1905 – 1917: Большевистские и общедемократические издания. – М., 1984.

Русская литература и журналистика начала XX века. 1905 – 1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. – М., 1984.

Русская периодическая печать 1895 – 1917: Справочник. – М., 1992.

Сатюков П.А. Большевистская печать в период империалистической войны и второй революции в России. – М., 1951.

Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция, 1914 – 1917 гг. – Нью-Йорк, 1960.

Срединский С. Газетно-издательское дело. – М., 1924.

Стыкалин С.И. Русская демократическая сатира между февралем и октябрем 1917 г. // Из истории русской журналистики начала XX века. – М., 1984. С. 50 – 58.

Чхартишвили П.Ш. Черносотенцы в 1917 году. // Вопросы истории. 1997. №8.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ЖУРНАЛИСТИКА В ГОДЫ НОВОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ПОДЪЁМА	7
Глава II. РОССИЙСКАЯ ПЕЧАТЬ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	37
Война и правовые условия прессы	37
Отношение либеральной печати к войне	52
Военная тематика в социалистической печати	63
Глава III. ЖУРНАЛИСТИКА РОССИИ ПОСЛЕ ФЕВЛАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА	76
Двоевластие и печать	76
Развитие свободной прессы	87
Партийная пресса в новых условиях	95
Большевистская пропаганда и её критики	104
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	115
Литература	117

Сведения об авторе

АХМАДУЛИН Евгений Валерьевич – заведующий кафедрой теории журналистики Южного федерального университета, доктор филологических наук, профессор. Председатель Южно-Российского отделения учебно-методического объединения университетов РФ по специальности «Журналистика», зам. председателя докторского диссертационного совета по специальности «Журналистика», действительный член Академии наук Региональной печати России и член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. Автор монографий «Печать Дона в годы первой русской революции (1905 – 1907 гг.)» (1985), «Правительственная печать России (конец XIX в. – февраль 1917 г.)» (2000), «Пресса политических партий России начала XX века: Издания консерваторов и либералов» (2001) и учебных пособий «Краткий курс теории журналистики» (2006) и «Основы теории журналистики» (2008).

Евгений Валерьевич Ахмадулин

**ПАРТИЙНАЯ ПРЕССА РОССИИ
НА ПУТИ К РЕВОЛЮЦИИ (1910 - 1917)**

E. Akhmadulin

**PRESS RUSSIA PARTY ON THE ROAD
TO REVOLUTION (1910 - 1917)**

Published in the author's edition

Assigned to print 15.01.2018. Format 60x84/16.
CPP 7, 38. Order 39. Circulation 500

Open Science Publishing,
Lulu Press, Inc.,
3101 Hillsborough St., Raleigh,
North Carolina 27607, USA

Printed in Open Science Publishing
217-109 Socialisticheskii St.,
Barnaul, 656049, Russia,
+7 (3852) 57-75-92
+7 (923) 657-75-92
info@openscience.su
www.openscience.su